

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАСТЕР СНОВ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ

Мастер снов

Алексей Пехов

Создатель кошмаров

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2015

Пехов А. Ю.

Создатель кошмаров / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
«Автор», 2015 — (Мастер снов)

Баннгок – кибернетический гигант, захвативший весь юго-восток Азии. Городская агломерация Александрия на севере Африки. Бэйцзин – мощный промышленный мегаполис, находящийся на грани экологической катастрофы... Вот ближайшие техногенные соседи Полиса, подталкивающие мир к границе катаклизма. Но проблема не только в них. С каждым днем угроза благополучию и гармонии Полиса становится все более серьезной, хотя пока это ясно лишь тем, кто защищает спящих. Мир сновидений нестабилен и все опаснее для мастеров снов, а часть кошмаров вырвалась в реальность, убивая и калеча. Неся страх, неуверенность, агрессию, ненависть. И это лишь первый удар дэймосов. Позорное прошлое создателя кошмаров сложно забыть, а тем более исправить. В одиночку вести борьбу с призраками, возникающими из небытия, смертельно трудно. Жертвы былых преступлений напоминают о себе, когда ждешь этого меньше всего, и приходится вновь и вновь вглядываться в их могильные плиты, чтобы найти решение, а может, даже спасение – для всего мира и себя самого. Предательство самого близкого человека – непоправимая ошибка или жестокая необходимость, которая приведет к катастрофическим последствиям? Сны становятся все более явными, кошмары – запутанными, а реальность – опасной...

© Пехов А. Ю., 2015

© Автор, 2015

© Автор, 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Пехов, Наталья Турчанинова, Елена Бычкова Создатель кошмаров

Братом Гипноса – повелителя сна, по праву считается Танатос – бог смерти.

Они равны по силе, приходят внезапно, в тот миг, когда их не ждут. И могут не откликаться на самый страстный зов. Ни одна преграда не сдержит их, ничья мольба о снисхождении не остановит. Один является на исходе дня, другой – жизни.

Каждый повелевает сонмом чудовищных химер и дивных созданий, которых порождает подсознание человека.

Оба безжалостны и милосердны, невидимы и всеобъемлющи в своей власти, непостижимы и прекрасны. Избавляют от усталости, боли, болезни, разочарований.

Они приходят вместе, и в тени одного брата всегда скрывается другой. Но никому из людей не дано понять, кто посетил его – сон или смерть.

Глава 1

Ламия

Все было как всегда. Семья собралась за большим столом, накрытым скатертью с тонким узором ветвей оливы. От окна летел свежий ветер, пахнувший прохладной морской водой и немного водорослями. Солнце уже касалось краешка горизонта, и во все небо раскинулись закатные лучи, пронзающие облака. Привычный вечерний пейзаж.

Ничего не изменилось. Но Лей замер у двери, глядя из темноты коридора в столовую, и не решался сдвинуться с места. Его светлые волосы растрепались, несколько прядок прилипло к потному лбу. Бледное лицо с широко расставленными глазами, прозрачными как вода, и прямой переносицей застыло в маске испуга. Хотя бояться на первый взгляд было абсолютно нечего. Отец разливал сок по стаканам и что-то весело говорил матери. Та улыбалась, подавая тарелку старшей сестре. Братья незаметно пинали друг друга под столом, фыркая от смеха. Пахло только что испеченными булочками с розмарином, свежей пряной зеленью, теплым жареным сыром и цедрой лимона.

Все по-прежнему. Только Лей отчего-то не мог заставить себя сделать десяток шагов, чтобы присоединиться к родным. Ноги не двигались. По спине пробежал озноб. Холод тяжелым, колючим комом лежал в желудке.

Мальчишка мог разглядеть каждую складку на льняной скатерти, каждый стежок в вышивке, легкий светлый локон, падающий на лоб матери, тонкие морщинки у смеющихся глаз отца, блеск заколки в волосах сестры, свежую царапину на подбородке младшего брата. Взгляд Лея, словно затравленный зверек, метался из стороны в сторону, цепляясь за новые и новые подробности мирной картины семейного ужина, но они не успокаивали, наоборот, становилось все страшнее.

– Лей, ну где же ты? – позвала мать, и ее веселый, мягкий голос едва не заставил его пойти вперед.

– Он всегда опаздывает, – сказала сестра, и высокий золотистый «хвост» на ее макушке мотнулся по спине. – Наверное, опять уткнулся в книгу.

– Тогда я сяду на его место, – заявил младший брат.

– Ты останешься на своем месте, – с притворной строгостью возразил отец и чуть повысил голос: – Лей, ну где ты там, еда остывает!

Мальчишка глубоко вздохнул, переступил с ноги на ногу. Сейчас он должен был убеждать себя, что ничего необычного не происходит, а все страхи – пустая выдумка. Вот его семья. Они ждут и зовут. Улыбаются, шутят и смеются.

Он совсем уже было решился приблизиться к столу, даже подался вперед, но тут же в темноте коридора за его спиной возникло стремительное движение. Лей чуть не вскрикнул от неожиданности, однако крепкая ладонь зажала рот, не давая даже пикнуть, а над ухом прозвучал приглушенный голос:

– Тихо. Не вздумай кричать. Понял меня?... Если понял, кивни.

Лей попытался утвердительно наклонить голову, и его сразу выпустили. Он стремительно оглянулся и увидел человека, стоящего рядом. Высокий, с очень светлыми волосами, лицо в тени, черт не разглядеть, только поблескивают белки глаз.

– Не ходи туда, – тихо произнес незнакомец.

– Вы кто?! Что происходит? – яростно, хотя и беззвучно зашептал мальчишка. – Почему я не могу?..

– Это не твоя семья. – Рука, продолжавшая сжимать его плечо, потянула дальше от ярко освещенной столовой. Глубже в тень, которая сейчас казалась спасительной.

– А кто это? – голос Лея дрогнул.

– Кое-кто другой. – Мужчина, чуть прищурившись, посмотрел в сторону комнаты. – Побудь здесь. А я пойду поздороваюсь.

Он отстранил мальчика и направился на свет. И только теперь стало видно, что его волосы густо засыпаны сединой. А за спокойными, сдержанными, на первый взгляд, движениями скрывается настороженность.

Лей начал отступать – до тех пор, пока не уперся спиной в стену. И остался стоять, глядя на человека, неизвестно как появившегося в его доме. Липкий страх постепенно отползал, вместо него приходили тревога и обреченность.

Незнакомец непринужденно вошел в столовую и остановился, не доходя до стола несколько шагов. Его высокие ботинки оказались стоптаны и покрыты пылью, как будто мужчина прошагал пешком немало дорог, простые джинсы потертые, белую футболку пересекает ярко-алая надпись: что-то на латыни, первое слово, кажется, означает «жизнь»...

– Красивый закат, – произнес он бодро.

Сидящие за столом замерли. Мать продолжала держать блюдо в руках, и улыбка как будто приклеилась к ее лицу, стягивая кожу. Отец смотрел на братьев, словно не замечая непрошеного гостя. Сестра не шевелилась, мальчишки замерли в неестественных позах.

И только теперь Лей понял до конца, что все эти пятеро только напоминают его родных. Нацепили похожие маски и подделали голоса.

– Заметили, что темнеть стало раньше? – продолжил мужчина как ни в чем не бывало. – Осень приближается.

И в этот миг сестра, все это время сидящая спиной к двери, начала поворачиваться. Медленно-медленно. Казалось, ее шея двигается с трудом, словно заржавевший винт.

Лей сжался, не в силах отвести взгляд, хотя знал, что лучше отвернуться.

Показалось ухо, выглядывающее из золотистых завитков, край скулы, уголок губ... Мальчишка судорожно сглотнул – ему почудилось, что с ее ртом что-то не то. И тут сестра рывком повернула голову, чтобы посмотреть на незнакомца позади.

Лей вздрогнул, задел стоящий рядом торшер, и тот опасно закачался. Но он даже не заметил этого, с ужасом рассматривая кривую, зазубренную щель, перерезающую лицо сестры от щеки до щеки, разрывы глаз, как попало проделанные в коже. Уродливую маску без носа обрамляли блестящие волосы, а шею, исполосованную длинными шрамами и выпирающими сухожилиями, обхватывала нитка голубых бус.

– Зачем тревожите мальчишку? – спросил незнакомец сухо, не выказывая ни капли страха или удивления.

Братья тоже повернулись. У них оказались такие же страшные морды – только меньше: высохшие, сжавшиеся, желто-бурые. Как подгнившие лимоны, в которых кто-то вырезал подобия человеческих лиц.

– Поужинаешь с нами? – любезно поинтересовалась мать, выходя из своего одеревенения. – Если Лей не хочет есть, займешь его место?

Ее взгляд скользнул во мрак коридора, словно зная, кто там скрывается.

– Благодарю. – Мужчина обошел стол и присел на свободный стул.

Свет упал на его лицо. Преодолевая оцепенение в мыслях, Лей понял, что оно напоминает иллюстрацию в учебнике истории. Так обычно рисовали бога снов. Совершенные черты, как будто выточенные из мрамора. Но в отличие от книжного божества, изображенного в состоянии вечного безмятежного покоя, этот был живым, наполненным энергией и силой. Глядя на него, Лей чувствовал, как страх уходит.

Мужчина смотрел на чудовищных существ перед собой со спокойным вниманием. Значит, они не были такими уж страшными. Или не были опасными для этого удивительного человека.

– Меня зовут Мэтт, – произнес он, дружелюбно улыбаясь.

Сидящие за столом как будто не проявили интереса к его попытке познакомиться, а гость продолжил невозмутимо:

– И у меня есть для вас предложение. Вы оставляете мальчика в покое. А я отдаю послание, которое передали ваши сородичи.

– Ты не в том положении, чтобы ставить условия, – сказала сестра неожиданно скрипучим голосом.

– Оставьте мальчика. Ему трудно и страшно. Ваши появления – всего лишь жуткий кошмар для него.

Существа покачнулись. По ним словно прошла волна. Лей пригляделся и увидел, что тела пугающих существ соединены друг с другом тонкими струйками дыма, который утекает в дальний угол комнаты. А там, в углу за диваном, затаился кто-то размытый, нечеткий, лениво колеблющийся из стороны в сторону.

Страх снова вернулся. На этот раз такой же мутный и бесформенный, как это нечто в темноте. Лей застыл, стараясь вообще не шевелиться, а еще лучше даже не дышать.

Мэтт же, непринужденно расположившийся за столом, не отрываясь смотрел на одного из братьев. Тот едва заметно покачивался из стороны в сторону, и белесая нить за его спиной дрожала, словно оборванная струна.

– Хорошо, – сказал он наконец, подался вперед и потребовал: – Послание.

Мэтт опустил руку на стол ладонью вверх, и все пятеро уставились на нее, словно действительно читали надписи на коже. Они сидели так довольно долго. Секунды текли, в полной тишине слышалось лишь царапанье ветра за окном. А затем тела существ начали таять. По-настоящему. Лей, уставший бояться, видел, как с их тел вместе с одеждой исчезла кожа, затем красная плоть, а потом в воздухе растворились желтые скелеты. Длинные полосы дыма еще колыхались в комнате несколько мгновений, затем развеялись и они. Происходящее казалось все более и более нереальным.

Мэтт сжал в кулак ладонь, которую так внимательно рассматривали существа, откинулся на спинку стула и позвал негромко:

– Элий, иди сюда. Они не вернутся.

Пошатаваясь, мальчишка выбрался из темноты и побрел к столу. У него даже не хватило сил на то, чтобы удивиться, откуда чужак знает его полное имя.

– Где мои родители? – спросил Лей тихо. – Сестра? Братья?

– Родители, полагаю, сидят рядом с твоей постелью, – ответил Мэтт задумчиво. – Сестра и братья спят.

– Рядом с моей постелью... значит, я...

– Да. Ты находишься во сне.

Сразу все стало понятно. Это был очередной кошмар. Просто очень реальный. Лей украдкой ущипнул себя. Почувствовал боль, но не проснулся. Мужчина, заметивший его манипуляции, усмехнулся.

– Это не поможет. Если они пришли к тебе – значит, так просто не выпустят.

Лей поежился, глядя на пустые стулья, где только что сидели существа, принявшие облик его семьи.

– А кто это?

– Их называют онирами, божествами сновидений. И встреча с ними – большая удача.

Мальчишка совсем не считал себя осчастливленным появлением компании божеств, кем бы они ни были.

– Что им нужно от меня?

– Твой сон, – улыбнулся Мэтт, потирая ладонь, которую показывал онирам. – Вернее, сон ребенка. Он отличается от сна взрослого по некоторым параметрам. Грубо говоря, дети

видят больше сновидений. Вы более эмоциональны, психически нестабильны, легко перескакиваете из кошмара в приключение, из реальности в потусторонний мир.

Мэтт поднялся, вышел из-за стола, встал напротив. Теперь Лей смотрел на него снизу вверх и слушал с легким недоумением.

– Онирам нужны подобные проводники, так как сами они слегка ограничены в передвижении, потому что привязаны к определенным участкам сна. А ребенок мог бы открывать для них новые двери.

– Но почему они пришли ко мне?!

– Почувствовали в тебе нечто важное для себя. Вполне возможно, твои сны – самые лучшие пути для них. Но точно никто сказать не сможет.

– А если я не хочу?

– Твое право отказать. Когда в следующий раз встретишь их во сне – скажи, чтобы больше не тревожили тебя.

Лей задумался. Сейчас, когда он понял, что все происходящее – не реально, страх пропал совсем. Вместо него неожиданно пришло любопытство.

– А если я соглашусь?

– Вероятно, увидишь всякие дикийинные миры, переживешь удивительные приключения...

– Я стану сновидящим?! Как ты? Ты ведь сновидящий, да?

– Да, – усмехнулся Мэтт. – Я целитель. Твои родители очень обеспокоены. Ты плохо спишь, часто просыпаешься с криком ужаса. Стал нервным и раздражительным. Тревожным.

Лей отмахнулся от этих сведений, как от чего-то незначительного. Ничего подобного о себе он не помнил. Да, признаться, и не хотел вспоминать, его занимало другое.

– Так я стану сновидящим?

– Нет, – понимающе улыбнулся Мэтт. – Но до того времени, как ты вырастешь, у тебя будут некоторые способности. Те, что подарят ониры за помощь. Сколько тебе, двенадцать?

Мальчишка рассеянно потер лоб, напряженно размышляя.

– Года четыре у тебя есть.

Лей кивнул и уверенно посмотрел на мужчину. Лицо целителя окрасилось красноватым светом заходящего солнца. Поэтому выглядело и мрачно, и торжественно. Вполне подходяще под атмосферу принятия самого важного решения в жизни.

– Я хочу попробовать. Только если они больше не будут притворяться моими родными. И если не будут выглядеть так страшно.

– В снах часто приходится встречаться со страхом, – мягко напомнил Мэтт.

– Знаю, но я смогу научиться бороться с ним, – с воодушевлением заявил Лей. – Да. Я согласен.

– Уверен?

– Да.

– Хорошо. Значит, когда ониры появятся в твоём сне снова – начни с ними беседу. Подтверди, что готов им помогать. Они сами расскажут, что делать. А теперь... – Мэтт протянул руку и слегка коснулся указательным пальцем его лба. – Просыпайся.

Мальчишка вздрогнул, отшатнулся. Веки его опустились, мышцы лица расслабились. Но он не пробудился. Наоборот, стал погружаться глубже в сон. Стремительно приближалась основная фаза, полностью лишенная всяческих видений. Та самая, похожая на смерть. Пространство вокруг начало разваливаться. Рушиться в темноту огромными кусками.

Худая фигура мальчика растаяла...

...Я открыл глаза. В комнате было темно. Свеча погасла. Душный запах сгоревшего фитиля еще не выветрился. Полумрак искажил реальные очертания предметов. Громоздкий

книжный шкаф, казалось, наклонился вперед, тускло мерца стеклами. Стол присел на всех четырех ножках, словно готовясь к прыжку. Дверь из комнаты отделилась, как будто до нее был десяток метров, не меньше.

За окном шумел дождь, порывистый ветер раскачивал ветви деревьев. Их черные взъерошенные тени слепо ползали по стенам, задевая друг друга косматыми лапами. Это в Центральном Полисе сейчас было тепло, а временами даже жарко, здесь же, на северо-восточной границе, уже всю царствовала поздняя осень.

Пуговица, зажатая в кулаке, врезалась краями в кожу. Элий, мальчишка двенадцати лет. Любимец ониров. Редкий дар и редкая печаль.

Если бы я был обычным человеком, не сновидящим, и ониры сделали мне подобное предложение, я бы отказался. Приобрести уникальные способности, развивать их, а спустя недолгое время, на самом пике своего могущества, потерять дар полностью. Слишком большое разочарование.

Впрочем, вполне возможно, я не прав. И мальчишка с редким именем, происходящим от древнего названия солнца – Гелиос, достойно примет необыкновенные силы. Будет мудро пользоваться ими все положенное время, помогая людям, а затем спокойно и с благодарностью расстанется с ними.

Я поднялся, продолжая сжимать в кулаке пуговицу, с помощью которой проник в беспокойный сон мальчишки. Хотел бросить ее в банку с десятком таких же трофеев, но в последний миг передумал. Человек, которому покровительствуют ониры, большая редкость. Не стоит так легко отбрасывать возможность пообщаться с ним. Связь с человеческим помощником божеств сна лучше не терять. Поэтому я открыл верхний ящик древнего комода и убрал белый пластиковый кружок в пустую коробку, где когда-то лежали запонки.

Надеюсь, Герард не воспримет мою предусмотрительность как эгоистичное желание наживы.

Я задвинул ящик и пошел в ванную. Меня слегка покачивало. Работа сновидящего-целителя никогда не была легкой, а встречи с онирами иногда крайне выматывают. Как сегодня.

Я включил воду. Мое отражение в зеркале быстро запотевало. Почти заурядное лицо, совсем не похожее на мой образ в мире снов, взлохмаченные волосы...

На стеклянной полке навалены вещи Хэланы. Два гребня, пара флаконов, целая коллекция зубных щеток, россыпь дешевых браслетов... Она так и не возвратилась за ними. Можно было взять любую мелочь и с ее помощью войти в сон девушки. Заставить вернуться. Внушить чувство глубокой зависимости от меня.

Но я не стал проникать в подсознание покинувшей меня ученицы. Это было бы по меньшей мере нечестно.

Я завернул кран. Разделся, опустился в обжигающе горячую воду и замер в неподвижности. Тут же на меня навалилась тишина. Она расползлась вместе с темнотой из широкой щели между приоткрытой дверью ванной комнаты и обшарпанным косяком. Впрочем, это безмолвие оказалось обманчивым.

Старый дом постепенно наполнялся шорохами и стуками. Теперь, когда я жил в нем один, временами они делались вызывающе навязчивыми. На втором этаже скрипели половицы, словно по ним не торопясь бродил некто тяжелый и медлительный. Время от времени эти шаги заглушал быстрый, стремительный топот легких ножек – и я понятия не имел, кому они могли принадлежать. Затем начинала скрипеть дверь в комнате, смежной с гостиной. Потом кто-то с ожесточением скребся в углу, явно пытаясь прорыть ход из одной комнаты в другую.

Вполне возможно, неподготовленного жильца подобные концерты по ночам могли напрягать, а особо впечатлительных даже устроить. Мне было все равно. Трудно напугать кошмар. Я спокойно засыпал под аккомпанемент шагов, грозного дыхания, леденящих взглядов и зловещих шорохов. Практически как сейчас.

Я закрыл глаза всего на минуту, как мне показалось, что шелест и скрип отдалились, превращаясь в ровный убаюкивающий фон, который внезапно начал перемежаться частым, торопливым стуком. Некоторое время сквозь приятную дрему я лениво вслушивался в неровные звуки. Они становились все громче и настойчивее, а меня вдруг осенило – это не очередная шутка моего дома. Стучали во входную дверь.

– Никого нет, – пробормотал я, или мое тело сновидения, и окончательно проснулся.

Вода успела остыть. Дверь в ванную оказалась распахнута настежь, хотя я помнил, что прикрывал ее.

Можно было сделать вид, что я не слышу назойливых призывов позднего гостя, мысленно пожелать ему отложить все дела до утра и с чистой совестью отправиться спать. Только обычно в дверь сновидящего не барабанят в столь поздний час с просьбой разделить праздничное вино в беззаботной компании. Поэтому я выбрался из ванны и, одеваясь на ходу, пошел открывать. Мелькнула мысль, что это могла быть Хэл, но я помнил – у моей ученицы есть ключ.

Я ожидал увидеть кого угодно – подростка, сбежавшего от ночных кошмаров, напуганных родителей, обеспокоенного мужчину или женщину в тревоге... Реальность оказалась гораздо более удивительной. ...На пороге моего дома стояла Талия.

Гибкая фигура обернута тонким бежевым плащом. На нежно-рыжих, коротких завитках волос брызги дождя. Зонт, похожий на прозрачный купол, отражает блеклый свет из окна. К мокрым носкам замшевых туфель на плоской подошве прилипли желтые опавшие иглы лиственниц, густо устилавшие дорожку к дому.

Красивое лицо бесстрастно, и даже сияющие янтарные глаза не смягчали выражения равнодушной вежливости.

Прохладный осенний воздух резким порывом ветра хлестнул меня по босым ногам, и я пришел в себя от удивления.

– Талия?!

– Извини за беспокойство, Аметил, – произнесла она своим уникальным чувственным голосом, в котором не было ни капли тепла. Харита скользнула взглядом по моей мокрой, полуодетой фигуре и добавила: – А также за столь поздний визит.

– Прощу, проходи.

Я бы меньше поразился, если бы меня навестил Геспер лично. Даже появление Тайгера воспринял бы более как должное. Но что могло понадобиться Талии, которая терпеть меня не могла?

Я посторонился, и девушка скользнула мимо, не задев меня мокрым плащом. Поднялась по трем ступенькам и, пока я запирал дверь, сделала несколько шагов в темноту коридора, ведущего в жилую часть дома, но остановилась, словно не решаясь идти дальше.

– Интересная архитектура, – произнесла харита как-то бесцветно, когда я подошел к ней. – Необычная.

– В этой местности очень суровые зимы, – отозвался я, продолжая недоумевать внутренне. – Два коридора – дополнительная защита от холода.

– Можно поставить добавочный генератор. – Она подождала, пока я открою перед ней дверь в прихожую. – Увеличить подачу тепла.

– Дом старый. Но я не хочу его перестраивать.

Талия огляделась, ища взглядом, куда поставить мокрый зонт, и прислонила его к вешалке. Я помог ей снять плащ и пристроил на одинокий крючок поверх своей куртки. Под плащом на харите был костюм бледно-серого цвета. Он удивительным образом оттенял ее рыжие волосы и подчеркивал все достоинства фигуры.

– Сюда. – Я провел ее в темную гостиную, зажег свет. Под потолком неохотно вспыхнула пыльная люстра.

Девушка вошла в комнату. Огляделась мельком, и ее лицо стало еще более замкнутым, отстраненным.

Я всегда считал, будто умею неплохо ладить с людьми. Но сейчас с удивлением осознал, что не представляю, как вести себя с ней, чтобы не нарушить шаткое перемирие, внезапно возникшее между нами.

Она опустила на стул, боком стоящий у стола, и жадно смотрела по сторонам.

– Это дом Феликса?

– Да, – ответил я, не слишком желая развивать любую тему, связанную с учителем. – Хочешь чаю, Талия? После такого холода он будет очень кстати.

– Благодарю, нет. – Харита посмотрела на меня снизу вверх, в ее медовых глазах засветились огоньки люстры. – Ты помнишь тюрьму дэймосов, Аметил?

– Ты проделала такой долгий путь для того, чтобы поговорить со мной о тюрьме для дэймосов? – Я сел на диван, чувствуя, как мое ошеломление и удовольствие от ее визита стремительно сменяются настороженностью и жгучим недоверием.

– Я принесла дурные новости.

– Что-то с Хэл?

Харита впервые чуть улыбнулась, по всей видимости смягченная моим искренним беспокойством об ученице.

– За ней присматривает Геспер. И причин для тревоги нет.

– Но ты выглядишь встревоженной, фаенна Талия. В чем дело?

– Ты хорошо помнишь тюрьму дэймосов, Аметил? – повторила она, и мне пришлось ответить:

– Да. Но лишь ту ее часть, которая находится в реальности.

– Ты знаешь, кто там заключен? – голос хариты стал строже, взгляд медовых глаз сделался пронизывающим.

– Да.

Беседа все больше напоминала допрос. И я вспомнил, что передо мной не просто прекрасная девушка и гениальный сновидящий, а еще и представитель Пятиглава.

– Ты хорошо знаком с ними?

– Эти вопросы мне уже задавал Тайгер. И многие другие. Я ответил на все. Если у него возникли новые – пусть явится сам.

– К сожалению, это невозможно. Он очень занят. – Талия посмотрела наверх. Словно опасалась, что там, на втором этаже, заперты мои кошмары и любой из них может подслушивать.

– Общение во сне тоже пока никто не отменял.

– Мы могли бы вызвать тебя в Пятиглав. – Харита пошевелилась, меняя позу, и я снова не мог не отметить ее изящество, хотя теперь эта грация порядком отвлекала меня. – Но этот дом дает тебе силы, – продолжила девушка. – И надежную защиту.

– Талия, – я решительно подался вперед, усилием воли сбрасывая ее умиротворяющее обаяние, – что происходит?

Она опустила руку в карман, вытащила что-то и поставила на край стола.

Это был маленький замшевый кролик, порядком затертый, с вылезшими кое-где нитками. К его лапе розовой ленточкой примотана черная пуговица.

– Тебе знаком этот предмет? – тихо спросила девушка.

Неприятные воспоминания коснулись меня роем жалящих ос. Все, о чем я хотел забыть, возвращалось.

– Это игрушка Спиро. Девочка – дэймос. Ламия, насколько мне известно. Одна из заключенных, – сказал я отрывисто и усмехнулся. – Пуговицу вижу впервые.

– Она с одежды Домиана. Это ученик Тайгера. Он попал в ловушку. Спиро держит его запертым в его собственном подсознании. И грозит убить.

– Талия, погоди. – Я поднялся, взял второй стул, поставил напротив девушки и снова сел. – Давай уточним. Пленный дэймос захватил сновидящего?

– Да.

– А Пятиглав не может вытащить его из объятий ламии, потому что боится за его жизнь и не хочет рисковать?

– Именно так.

Теперь я выступал в роли допрашивающего. Талия послушно отвечала.

– Как это вообще возможно?

– Домиан совершил ошибку.

– И кто будет за нее расплачиваться?

Харита взяла игрушку и вложила в мои руки. Ее пальцы были теплыми и гладкими, поверхность кролика – рубчато-шершавая и холодная.

– Спиро просила передать, что, если ты придешь к ней, она отпустит сновидящего.

Я рассмеялся, и мой смех прозвучал совсем не весело.

– Вранье. Ни один дэймос не выпустит свою жертву. Зачем я ей понадобился?

– Я не знаю, Аметил, – задумчиво произнесла девушка. – Вполне возможно, ради мести. Они все еще в плену. А ты изменил свою природу. Отказался от хаоса и разрушения. Стал свободен.

Она внимательно смотрела на меня, ожидая моей реакции. Логичная харита со сверхбогатым воображением прекрасно знала ответ.

– Нет, фаенна. Слишком мелкая причина. Ради этого Спиро не стала бы так рисковать. И ты сама это знаешь.

Медовые глаза чуть прищурились, гася теплый свет в густых ресницах. А я смотрел на создательницу волшебных снов и размышлял, подбрасывая на ладони игрушку дэймоса.

Почему они отправили ко мне тебя, Талия? Не Клио. Не Герарда. Впрочем, оракул сейчас, должно быть, занят – пытается просчитать все возможные пути развития конфликта. Так же как и Тайгер с Геспером. Но почему не Клио? Она всегда была добра ко мне. На ее просьбу о помощи я бы откликнулся быстрее.

– Тебе понадобится *моя* помощь, Аметил, – произнесла харита, словно зная, о чем я думаю. – Да, я не воин сновидений. И не могу предчувствовать ложь, смерть и опасность, как прорицатель. Но я умею менять сон и реальность местами. Вкладывать одно сновидение в другое. Из моего лабиринта с трудом сумеет выбраться даже дэймос.

– Ты не сможешь провести создателя кошмаров.

Она подняла голову, глядя прямо мне в лицо, и ее глаза засияли.

– Ты уверен? – спросила Талия тихо.

Ее голос гулким ударом меди отозвался у меня в ушах. Я моргнул, дернулся и едва не окунулся с головой в ледяную воду. Я все еще лежал в ванне, призраки дома притихли, а с улицы доносился равномерный, требовательный стук.

Я торопливо поднялся и, слегка оглушенный внезапной сменой реальности, не одеваясь, поспешил открывать. Распахнул дверь. Холодный ветер с дождем ударил меня из темноты. На улице никого не было. Только на ступени крыльца сидел потрепанный игрушечный кролик с пуговицей, небрежно примотанной к лапе. Создавалось впечатление, что это он только что колотил в дверь. Я наклонился и поднял его. Замша была влажной на ощупь, а сама игрушка оказалась неожиданно тяжелой.

Второй раз за ночь я запер дверь и вернулся в дом. Сразу прошел в ту комнату, где мы проводили совместные занятия с Хэленой, протянул руку к выключателю и услышал из темноты тихий голос:

– Не зажигай свет, Аметил. Мне нужно настроиться на работу.

– Как прикажете, фаенна, – ответил я с улыбкой и подумал, что даже не успел спросить, с чего Талия решила, будто я готов спасти незнакомого мне Домиана.

Впрочем, я же целитель. А подобные вопросы они не задают.

Я лег в кровать, с которой поднялся не так давно, ощущая совсем близко тепло женского тела, волновавшего меня, признаться, гораздо больше, чем было допустимо сейчас.

На запястье моей руки, сжимающей игрушку Спиро, опустилась легкая ладонь.

– Не боишься выходить в сон из убежища дэймоса? – спросил я, наслаждаясь этой внезапной близостью.

Талия рассмеялась тихо и промолчала. Впрочем, ответ не требовался. Вряд ли хариту легко напугать. С ее-то воображением.

– Как ты засыпаешь? – задал я новый вопрос.

Если бы на месте моей гостьи была Хэл, сейчас кто-нибудь из нас произнес негромкое «вокруг» и, подчиняясь волшебному слову, мы оба провалились в сон.

– Представляю что-нибудь, – сказала девушка спустя короткую паузу, и я понял, что подробностей не дожусь.

Впрочем, они меня и не касались. Я опустил веки, прошептал свой пароль на вход в другую реальность, а через мгновение открыл глаза.

Игрушка из моей руки исчезла. На соседней кровати приподняла голову с полусогнутого локтя Талия. Она выглядела точно так же, как в жизни. Рыжая короткая стрижка, нежное лицо с акварельным румянцем, незащищенная шея, янтарные глаза, чуть затененные длинными темно-золотыми ресницами.

– Всегда хотел, чтобы ты создала для меня сон.

Харита чуть улыбнулась.

– Ты еще ничего не сделал, а уже просишь награду.

– Ну, должна же у меня оставаться надежда.

Я встал и протянул ей руку. Талия взялась за мою ладонь и легко поднялась.

– Хорошо. Я подумаю над тем, чтобы создать для тебя сон.

Мы не торопясь направились к выходу. Харита по-прежнему внимательно смотрела по сторонам, вдыхала ароматы осени, просачивающиеся в старое здание, мимоходом касалась холодного, отполированного дерева стен, потрескавшихся, шершавых обоев. Уверен, она запоминала интересные нюансы запахов, оттенки цветов, отголоски звуков, чтобы использовать в дальнейшем в своих творениях. Создательница волшебных снов всегда была на работе, даже в то время, когда ей предстояло спасти человека.

– Пока мы не вышли за территорию твоего дома, – произнесла она, останавливаясь на тропинке, застеленной мягкой дорожкой из желтых опавших игл. – Хочу уточнить. Тебе ничего не грозит.

Последнюю фразу она произнесла с непоколебимой твердостью. Ее взгляд был наполнен янтарным спокойствием.

– Да не то чтобы я волновался...

Талия чуть нахмурилась, игнорируя мою иронию.

– Твоя цель – отвлечь ламию. Просто говори с девочкой. Заставь как можно сильнее сконцентрироваться на себе. И будет просто великолепно, если тебе удастся вынудить ее хотя бы на мгновение выпустить из внимания пленника.

Я молча кивнул. Задача была ясна. Нам обоим не требовалось больше тратить время на обсуждение деталей плана. Мне уже приходилось вырывать жертвы из смертельных объятий дэймосов, и харита прекрасно знала об этом.

Я открыл калитку, брякнув металлическим засовом. В лицо ударил влажный, холодный ветер. Мы шагнули вперед одновременно и оказались стоящими на мокром песке. Вокруг

простирался бесконечный пляж, залитый водой. Полоса моря виднелась далеко на горизонте, там вскипали пенные валы и слышался отдаленный рокот. Низкое свинцовое небо отражалось в мелких лужах, растекающихся под нашими ногами.

И больше здесь не было ничего. Только серая земля, вода и далекий океан.

– Осторожнее, – сказала Талия. – Это зыбучие пески.

Подозреваю, она исходила пустой мир Спиро вдоль и поперек. Искала зацепки, следы, слабые места, воздействуя на которые можно повлиять на девочку. Но, похоже, ничего не нашла.

– Давно вы пытаетесь обуздать ламию?

– Три дня, – ответила харита после небольшой паузы.

Она шагала рядом со мной, не замечая, что ее туфли увязают в песке, а ледяная вода заликает ноги по щиколотку.

– Почему сразу не обратились ко мне? Что может быть проще – обменять дэймоса на перспективного сновидящего.

Девушка взглянула на меня с холодным неодобрением:

– Человеческая жизнь – не разменная монета.

В глазах Талии мелькнуло нечто трудноуловимое, вероятно – досада на упорство, с которым я пытался выяснить очевидные вещи.

– Наша цель – спасти людей, Аметил. От болезней, атак темных сновидящих, от их собственных страхов... Чего бы нам это ни стоило. Мы все знаем, что в любой момент можем погибнуть. И ты тоже это знаешь. Но каждый раз все равно заходишь в сон. Как вчера или неделю назад. Не происходит ничего необычного, мы, как и всегда, исполняем свой долг. Так о каком обмене может идти речь?

Все верно. Не поспоришь. Какая разница – кто я на самом деле. Все равно пойду вытаскивать Домиана из плена ламии, точно так же как спасал Эйсона от его кошмара, или Никоса, или десятки любых других людей. И так же Талия будет защищать меня. Как бы она ни относилась ко мне.

– Здесь осторожнее, – произнесла харита, останавливаясь на краю очередной ничем не примечательной лужи.

Океан вдали продолжал мерно катить гигантские валы, но мне почудилось, что их гул стал чуть громче. Талия огляделась, не двигаясь с места, затем стянула на горле воротник плаща, и внезапно поднявшийся ветер смял в мелкие складки воду, заливающую плотно слежавшийся песок. Девушка внимательно посмотрела на небо, и тут же из низких облаков начал капать холодный дождь. Со стороны казалось – она всего лишь настороженно осматривается во враждебной местности. Я знал – сновидящая ориентируется в мире дэймоса по ей одной понятным знакам.

– Да, это здесь... – сказала харита скорее себе, чем мне, опустила руку в карман, достала какой-то мелкий предмет и бросила в лужу.

Я успел разглядеть маленькую плоскую пластинку – закругленную с одного края и слегка вытянутую с другого. Это был костяной плектр для игры на кифаре. В бледном свете серого дня он блеснул неожиданно ярко и упал в воду. Но не легко и беззвучно, а с громким плеском, подняв тучу брызг, словно был на самом деле тяжеленным камнем. Ухнул на дно, пробив собой немаленькую дыру в песке, и провалился куда-то в темноту, увлекая следом куски пляжа и потоки воды.

Я с уважением посмотрел на хариту.

– Мне нравятся твои методы работы.

Она мельком улыбнулась в ответ.

– В прошлый раз мне пришлось дать поглотить себя зыбучим пескам, чтобы найти путь к пленнику. Не самое приятное ощущение.

– Охотно верю. Миры дэймосов весьма коварны.

Пролом в пространстве ламии расширился еще сильнее.

– Теперь иди, – сказала Талия, глядя в темноту, распахивающуюся у нас под ногами. – Я буду рядом, хотя она меня не увидит. Ты не останешься один.

У хариты имелись свои секреты, выведывать которые у меня не было времени.

– Мне кажется, фаенна, или ты нервничаешь?

Медовые глаза девушки потемнели, словно приближающаяся тьма постепенно гасила их теплый свет.

– Будь внимателен, – произнесла она, сумев вложить в эти два простых слова и предупреждение оставаться бдительным при встрече с дэймосом, и приказ не расслабляться, чтобы не пропустить нужный знак, если придется бежать.

– Обязательно, – ответил я и шагнул вперед. В пустоту, куда медленно стекали капли песка и осколки воды...

Несколько долгих мгновений полета, больше похожего на падение. Моего лица касались невидимые крылья бесшумного ветра, а черноту перед глазами разрезали красные молнии, похожие на взмахи меча вечного воина Панарея¹ или стремительный росчерк кривого ножа мойры Атропы, готовой перерезать еще одну человеческую жизнь, вполне возможно мою.

Падение оборвалось внезапно. Подошвы моих ботинок ударились о твердую неровную поверхность, и я оказался посреди гигантского храма. Стены его безграничного зала едва просматривались в тусклом сером свете, крыша возносилась над головой, напоминая ночное небо, затянутое грозowymi тучами. В воздухе плавали хлопья сажи. Пахло недавним пожаром. И над всем этим мрачным великолепием я ощущал тень Тайгера. Его не было видно, но я знал – он поблизости. Везде и нигде...

В центре зала, расколотого на две половины широкой трещиной, возвышалось нечто странно-причудливое. Вызывающее любопытство и неприязнь одновременно.

Теперь я понимал, почему охотник на дэймосов не мог обезвредить Спиро. Пленный сновидящий висел над пропастью, связанный надежными путами. Со стороны это было похоже на чудовищную скульптуру, порожденную больным разумом. Она вздыбилась на краю обрыва, готовая рухнуть вниз.

Ламия сплелась с жертвой словно дерево. Ноги и руки девочки подобно длинным корням впились в тело Домиана, прорастали в него, так что с первого взгляда было невозможно различить, где плоть ученика Тайгера, а где – сама дэймос. Ее спина изгибалась бледным древесным стволом, выступающие ребра надежной клеткой обхватывали голову и туловище пленника, сквозь трещины в них виднелась лишь часть лба и полуоткрытый глаз. Лицо Спиро – растянутый, неровный узор на коре – поднято к низкому, темному небу, с которого падали хлопья пепла.

Я медленно двигался вперед, с каждым шагом различая все новые детали. Пальцы Домиана, сведенные судорогой боли, вокруг каждой фаланги обвиваются пряди тонких серых волос, струящихся с головы создательницы кошмаров. Набухшую вену на его лбу, готовую лопнуть от пульсации крови. Но видел я и трещины, изрезавшие искривленное, вытянутое тело ламии, редкие алые капли, сочащиеся из разрывов на ее коже. Девочка страдала сама, сделав из себя живую ловушку для сновидящего. Как знакомо, как нелепо.

– Спиро, – произнес я, подходя ближе. – Ты звала меня. Я – здесь.

Лицо, запрокинутое к небу, медленно опустилось. Его искаженные, одеревеневшие черты были едва узнаваемы.

– Отпусти человека.

– Почему ты его защищаешь? – прошелестел голос, похожий на шорох сухих листьев.

¹ Одно из имен бога войн Ареса-Марса.

– Не его. Ты убиваешь себя. Тебе не говорили, что ламия, создавая *клетку удержания* из собственного тела сновидения, разрушает его?

Ветви – руки Спиро – лишь плотнее обвили вокруг Домиана. Тело девочки, похожее на высохший, расщепленный ствол, ниже склонилось над пропастью.

– Что ты можешь знать об этом?

– Гораздо больше, чем ты думаешь. Пленника действительно никто не вырвет из твоих объятий, и не исцелит, но ты рассыплешься в прах вместе с ним. Очень скоро. И ради чего?

Она молчала и смотрела на меня пустыми глазами, напоминающими сучки на древесной коре.

– Отпусти его, пока не стало слишком поздно.

– Я не могу, – произнесла Спиро очень тихо.

На миг она показалась мне не грозным дэймосом, а ребенком, взвалившим на себя сложнейшее и опасное дело. Ей было страшно.

– Спиро, послушай меня. Что бы ты ни задумала, ничего не получится. Чего ты хочешь добиться? Ты не сможешь освободиться из тюрьмы таким способом.

– Я не добиваюсь свободы, – выдохнула она, и по ее искривленному телу прошла дрожь.

– Тогда чего ты хочешь? От меня?

– Подойди ближе...

Я сделал шаг вперед, на миг мне почудилось неуловимое движение рядом. Я действительно не был оставлен один на один с дэймосом, вырвавшимся из-под контроля. За мной наблюдали. Отметив мимоходом этот факт, я сосредоточил все внимание на Спиро. Она смотрела на меня, и в ее остановившемся взгляде сквозила боль и напряжение.

Теперь я легко мог бы коснуться девочки и даже пленника, все глубже погружающегося в живую клетку.

– Чего ты хочешь? – повторил я.

– Покажи мне последнюю могилу в твоем мире, – четко и ясно произнесла ламия, но мне показалось, я ослышался.

Это была ошеломляюще неожиданная просьба. Сперва мне почудилось – она шутит или слегка повредилась в рассудке, трое суток удерживая человека в плену.

Признаться, я ждал жесткого ультиматума. Требования освободить всех пленных дэймосов или приказа самому броситься в пропасть в качестве мести за мою «измену».

– Ты убиваешь себя, убиваешь человека... только для того, чтобы взглянуть на старую каменную плиту?!

Могилы в мире дэймоса – постоянное напоминание о его жертвах. Убитых, замученных, обманутых, лишенных памяти или здоровья. Я уничтожил все... почти все.

– Я оставлю человека, если ты покажешь мне твою последнюю могилу.

– Зачем тебе это надо, Спиро?

– Покажи, – потребовала она, и по ее изломанному телу прошла дрожь.

Домиан задергался в объятиях ламии, я видел, как все сильнее наливается кровью сосуд на его лбу.

– Хорошо, – ответил я, прежде чем она случайно не задушила человека. – Я выполню твою просьбу. Отпусти его.

– Меняется, – велела Спиро, и в ее голосе прозвучали внезапно почти исчезнувшие детские нотки.

Хорошее правило – не вести никаких переговоров с дэймосами, не идти на уступки, не поддаваться на шантаж, не играть в их игры. Прекрасно звучит в теории. Жаль, что в реальности это практически не осуществимо.

Я сделал еще один шаг. И Спиро, изломав тело под новым невообразимым углом, подавалась вперед и протянула мне руку, больше похожую на ободранный ветром сук. Я помед-

лил всего лишь долю секунды. А затем сжал потрескавшиеся пальцы, тонкие, как спицы, они впились в мою ладонь, оплетая, срастаясь с ней, втягивая в себя. Она была очень сильной и наполнена неукротимой яростью. Даже несмотря на то что ее тело разрушалось. Ламия знала, что не выживет, но это ее не волновало.

– Почему ты не выросла за эти годы, Спиро?

– Так захотел Фобетор, – неожиданно гулко прозвучал у меня в голове ее голос.

«Задержка роста из-за гормонального нарушения, – подумал я машинально. – Скорее всего, синдром Гераны². Врожденный дефект гена-рецептора соматотропного гормона, приводящий периферические ткани к нечувствительности при воздействии гормона роста».

– А теперь веди, – приказала ламия.

У моей ноги негромко хрустнуло что-то. Тонкая костяная пластинка, которую используют для игры на кифаре. По закругленному краю пошла едва заметная трещинка.

– Идем, Спиро, – произнес я, наступил на плектр и полетел вниз, увлекая вместе с собой ламию и ее жертву.

Этот полет-падение был гораздо короче, чем предыдущий. Декорации сменились быстро, почти мгновенно. Вместо величественного античного храма, наполненного дыханием уснувшего пожара, вокруг развернулось старое заброшенное кладбище. Неподалеку стояло полуразрушенное здание с провалившейся крышей. В зарослях сорных трав виднелись обломки замшелых камней. Возле одного из них – плоского, обколотого со всех четырех углов, покрытого сетью трещин, возвышалось уродливое, изломанное дерево с человеческим лицом.

– Эта, – сказал я, указывая взглядом на плиту у своих ног.

Ламия, не выпуская моей руки, наклонилась, вчитываясь в надпись. Целую долгую секунду она стояла не шевелясь, а затем вдруг покачнулась, вскрикнула. Пальцы, держащие меня за руку, начали медленно осыпаться мелкой трухой.

– Нет! Нет!!! – закричала Спиро.

– Открой клетку! – крикнул я.

Но она меня уже не слышала.

Ее тело ссыхалось, таяло, выкручивалось, разрушалось. Продержаться чуть дольше и даже, быть может, спастись ей помогла бы немедленная смерть Домиана, а еще лучше и моя тоже. Но из тревожной пустоты кладбища выступил очень хорошо знакомый мне силуэт. Движение серпа в его руке было столь стремительно, что я не смог отследить тот миг, когда оказался свободен. А возле плиты осталось стоять болезненно искривленное дерево, напоминающее сгорбленную старуху. У его подножия лежал освобожденный Домиан.

Сновидящий повернулся ко мне.

– Благодарю, Тайгер, – сказал я, чувствуя, как на меня накатывает внезапная усталость.

– Благодарю Талию, – ответил он, глядя на высохший древесный ствол, печально склоняющийся над могилой.

И я не смог понять, что тревожит его больше – гибель ламии, неизвестные мотивы, двигавшие ею, или то, что дэймосу удалось вырваться из-под его контроля.

Перековщик наклонился, поднял спасенного ученика и шагнул прочь, уходя из мира сновидения, который был почти такой же, как мой мир.

– Очень похоже, – сказал я, глядя ему вслед, но обращаясь к той, которая все это время должна была быть рядом со мной. Невидимая и неосязаемая.

– В твоём мире меньше могил, – ответила Талия, выходя из полоски тени, падающей от дерева.

² Герана – в мифологии царица пигмеев, существ очень маленького роста. В современной науке заболевание также известно как синдром Ларона.

Не представляю, как ей удалось так быстро создать пространство сновидения, практически не отличимое от моего. Вряд ли когда-нибудь она ставила перед собой цель – досконально изучить расположение могильных плит на моем кладбище, оттенки света на ржавой решетке в оконном проеме здания и горечь полыни, плывущую в холодном воздухе...

И этого имени на камне в моем мире точно никогда не было, и быть не могло. Я смотрел на него, испытывая одновременно печаль, досаду и неутрачиваемое чувство вины. Чтобы хоть немного заглушить их, я спросил:

– Для чего ей была нужна последняя могила?

– Не ей, а им, – задумчиво уточнила Талия. – Всем тем, кто стоял за этим покушением. Тем, кто заставил Спиро умереть.

– Но зачем?

– Я не понимаю, Мэтт. Пока не понимаю. Но уверена в одном, они не узнали то, что хотели узнать. – Она крепко взяла меня за руку и потянула за собой прочь из этого сна.

Я шагнул следом за харитой. Но оглянулся напоследок. Сухое дерево, в вечной скорби склоненное над растрескавшейся плитой под ним. И одно-единственное имя, выбитое на ней.

«Феликс»...

Глава 2

Брима Кора

– Кого ты убил последним?

В голосе Талии не было ни осуждения, ни любопытства. Мы стояли среди берез неподалеку от кладбища, настоящего кладбища, в моем мире снов. Дул сильный, холодный ветер. Он безжалостно мотал тонкие ветви деревьев и свистел в обнаженных кронах. Под ногами похрустывал ледок, стянувший промерзшую землю.

– Ты же сама, насколько я понял, знаешь ответ, – сказал я. – Можно было и не напоминать мне.

Харита нахмурилась, глядя с легким недоумением. И я уточнил:

– Имя на могиле. Феликс. Совсем не обязательно было показывать мне его...

– Аметил, – мимолетным прикосновением руки Талия заставила меня замолчать. – Я не оставляла это имя. Когда я создавала плиту, она была гладкой, без единой впадины.

Теперь была моя очередь недоумевать.

– Значит, надписей не было?

– Нет.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Я смотрел на хариту, но не видел ее, глубоко погружившись в свои мысли. Можно было предположить, что имя на камне – послание от моего Фобетора. Напоминание или предупреждение. «Будешь двигаться в том же направлении, закончишь как твой учитель», или что-то вроде этого.

– Талия, ты очень спешишь или у тебя еще есть время?

– Мы можем побеседовать, – отозвалась она, непроизвольно ежась. Этот фрагмент моего сна был совсем не гостеприимен, хотя и не особенно враждебен.

– Так кого ты убил последним? – повторила харита свой вопрос.

– Не помню.

Она недоверчиво улыбнулась, провела кончиками пальцев по лбу, отводя рыжие пряди, растрепанные ветром.

– Аметил, я не собираюсь порицать тебя или выказывать негодование. Ты же понимаешь, насколько важен твой правдивый ответ. Одна из пленных дэймосов захватила человека только для того, чтобы увидеть этот знак в твоём мире. Мы должны понять...

– Я не помню, Талия. Прошло много времени. Я никогда не старался запомнить свои жертвы. Кроме того, я переделывал свой мир сновидений, почти все могилы ушли под землю. А те, что остались, не знаю – первые они или последние.

Несколько мгновений харита размышляла.

– Если ты не помнишь... мы можем обратиться к Герарду. Пусть заглянет в твоё прошлое. Думаю, он сумеет увидеть ответы.

– А можно поступить еще проще. Допросите пленных дэймосов. Сразу узнаете и повод и мотив. Вряд ли Тайгеру будет сложно разговорить причастных к этому похищению.

Талия помолчала, скользя рассеянным взглядом по деревьям, прячущим за белыми стволами следы моих жертв. Определенно, за ее безмятежностью крылась напряженная работа мысли.

– Да, конечно... – произнесла харита задумчиво, затем пристально посмотрела на меня. – Я хочу взглянуть на твоё кладбище.

Я сделал широкий приглашающий жест в сторону едва заметной тропы, петляющей среди берез. Пожухшая трава льнула к земле, кое-где из ее тусклого ковра торчали длинные сухие побеги полыни. Бурые листья, похожие на старые истертые пуговицы, лежали на дороге.

Здесь всегда было холодно, дул ветер, гулко шумящий в кронах деревьев. Унылое, тоскливое место.

Харита медленно шла между плит, рассматривая их. Всего четыре. Почти утонувшие в земле, покрытые лишайниками.

– Кому принадлежит эта?

Возникало ощущение, что мне предлагали рассматривать мертвые тела, чтобы опознать их. Я взглянул мельком.

Крайняя слева. Плоский черный камень пересекает длинная трещина, из нее торчат стебельки проросшей травы.

– Не помню.

– Никаких ассоциаций? – продолжила расспросы Талия, не удовлетворенная моим неизменным ответом. – Мужчина? Женщина? Ребенок?

– Никогда не воздействовал на детей, – ответил я довольно резко, а девушка неожиданно улыбнулась.

– Ну вот, мы уже сдвинулись с мертвой точки. Значит, мужчина или женщина.

Я невольно усмехнулся, убедившись еще раз – харита умела быть настойчивой.

– Хорошо, Талия. Я приложу все усилия, чтобы вспомнить.

Я приблизился к плите вплотную. Опустился перед ней на колени, чувствуя сквозь ткань джинсов холодную мокрую землю, положил обе ладони. Моя спутница замерла рядом. Боковым зрением я отметил ее неподвижную фигуру, неуместно ярко выделяющуюся на фоне серого пейзажа, а затем размахнулся и со всей силы ударил по камню кулаком. Тонкий силуэт рядом дрогнул, харита подалась ко мне, но больше я ничего не видел. Меня затопила боль, она хлынула от разбитых пальцев вверх, сковала локоть, плечо, пригасила зрение, и передо мной вспыхнула картина.

Длинная лестница. На мраморных ступенях одинаковые белые листы. Они летят, как высушенные солнцем листья. Среди них лежит молодой мужчина в деловом костюме, одна рука его откинута в сторону, в ней полураскрытая папка, из которой течет бесконечный поток бумаг. Голова запрокинута, пустые глаза широко распахнуты, на правом виске крошечная красная точка.

Видение рассеялось. Я снова оказался стоящим на коленях перед надгробием. Сжимая запястье разбитой руки. Талия с легким беспокойством склонялась надо мной.

– Мужчина, – ответил я хрипло на ее невысказанный вопрос. – Мертв.

– Кто он?

– Торговал чужими секретами. За последний запросил слишком много.

– Можно немного подробнее? – спросила Талия, но я отрицательно мотнул головой.

– Потом. Еще три могилы. А как ты видишь, это не самый приятный способ, чтобы освежить память.

Харита посторонилась, открывая мне подступ ко второй плите.

Я сел перед ней, рассматривая серую выщербленную поверхность. Рука заныла сильнее, словно предчувствуя новую волну боли. Талия пристально смотрела на меня, я чувствовал ее жаркий, внимательный взгляд. Не давая себе времени на размышления, я размахнулся и снова ударил.

В алой вспышке возник полутемный пыльный коридор, в глубине его дверь. Она медленно приоткрывается. Через щель выглядывает кто-то. Можно различить растрепанную сизую прядку волос, бледную щеку с продольной морщиной, и глаз, блестящий, словно новенькая стеклянная пуговица. В нем таилось болезненное любопытство и недоверчивость.

В отличие от первой, эта картинка гасла медленно и неохотно. Мне пришлось заставить себя вынырнуть из нее. Лицо хариты подернула легкая дымка, напоминающая туманное марево.

– Женщина... – сказал я и не услышал своего голоса, пришлось повторить громче: – Женщина.

– Я поняла, Аметил, – долетел до меня с небольшим запозданием ответ девушки. – Что с ней случилось?

– Замкнутый круг. Тот, кто вызывает болезни, болеет сам.

Харита присела рядом, внимательно глядя мне в глаза.

– Ламия? Ты уничтожил ламию?

– Брима Кора, – мой голос звучал приглушенно и зловеще, хоть я и не стремился к внешним эффектам, стараясь говорить более-менее внятно. – Жива. Но сама погружает себя в безумие.

Я поднялся, ощущая на предплечье руку хариты, поддерживающей меня.

До третьей могилы была всего пара шагов, но мне казалось я преодолевал их гораздо медленнее, чем требовалось.

Третья могила отозвалась не сразу. Смазанный отпечаток моей руки темнел на фоне серого камня, в памяти было пусто, и мне пришлось долго смотреть на пятно крови, пока оно не стало расплываться, дрожать... а затем из его центра начал медленно проступать барельеф – черный, блестящий, неторопливо оживающий. Две человеческие фигуры. Одна резко вскинула руки и толкнула другую. Та, более массивная и неповоротливая по сравнению с хрупкой первой, опрокинулась навзничь, упала и больше не двигалась. А спустя мгновение четкое изображение превратилось в бесформенную кляксу.

– Кто это?

– Жертва убивает жертву, – ответил я, слыша, что мой голос становится сухим как прошлогодняя трава. – Жертва падает.

Вряд ли она что-то поняла из моего объяснения. Я сам с трудом понимал. Но надо было продолжать.

Я подошел к последней плите.

От нее осталась только небольшая впадина, почти заросшая травой и мхом. Бурый камень в центре едва просматривался под слоем корней. Я ударил кулаком прямо в него и... провалился в яркий солнечный день.

Едва слышно шелестел теплый ветер. Золотые лучи освещали зеленую поляну, окруженную высокими дубами. Неподалеку слышался плеск воды и мелодичный женский смех. Прямо передо мной стоял невысокий лавр. Я мог разглядеть каждый лист, каждую веточку, чувствовал свежий запах, исходящий от него. Деревце, молодое и сильное, дрогнуло, стало клониться к земле, тонкие струи дыма окутали его побеги, и очень скоро весь ствол скрыла сизая пелена. Сквозь нее еще пару секунд просвечивали листья, а затем лавр растаял, превратился в бесцветное облачко.

– Прорицатель... – долетел до меня едва слышный шепот.

Зрение вернулось ко мне. Я все еще был на кладбище. Холодное и мрачное, оно по-прежнему дышало ледяным ветром и равнодушием. Единственным теплым огоньком, озарявшим его, были рыжие волосы хариты, но взгляд янтарных глаз, обращенный на меня, пронзил морозом.

Мир вокруг меня перевернулся, вытягиваясь и искажаясь, а затем рухнул в темноту...

Я лежал на кровати, вытянувшись во весь рост. Правую руку простреливало болью от запястья до локтя. Пальцы левой, сомкнутые вокруг игрушки дэймоса, свело, и я с трудом разжал их.

– Ты убил прорицателя?! – прозвучал рядом голос Талии. Хоть она и обещала быть непредвзятой, не смогла сдержать негодования.

– Нет. Заставил его не делать предсказаний. – Я повернул голову и увидел, что она уже поднялась и теперь смотрит на меня сверху вниз.

– Ты убил его, – повторила девушка с ледяной уверенностью. – Все равно что убил. Знаешь, что происходит с оракулом, которого вынудили отказаться от своего дара?

– Примерно представляю, – ответил я, массируя руку, ноющую от боли.

– Он перестает отличать правду от лжи в мире снов. Знаки путаются, символы меняются местами, он не понимает, что видит. Реальность вокруг него также начинает сходить с ума. – Харита осеклась, покачала головой, еще раз окинула меня взглядом, словно недоумеая – кому и, главное, зачем она пытается рассказать о мучениях человека. – Какое предсказание ты заблокировал?

– Не помню, какую-то мелочь.

– Вставай. Одевайся. – Талия швырнула мне джинсы. – Из всех четырех жертв эта представляется мне наиболее ценной для дэймосов.

Я протянул руку и положил игрушку на комод, рядом со стеклянной банкой, в которой уже лежали несколько новых пуговиц, а затем сказал:

– Я по-прежнему не уверен, что этот последний.

– В любом случае, мы начнем, – холодно откликнулась Талия.

Мне совсем не понравился нажим, прозвучавший в ее голосе.

– Ты хочешь навестить все жертвы?!

– И если ты поторопишься, мы успеем сделать это сегодня.

– Как ты их найдешь? Я уверен в местоположении только одного – пепел в море.

– Нарисуешь портреты, – безапелляционно заявила харита, которой наскучило спорить со мной. – Знаю, ты прекрасный художник. Я пробую изображения по своей базе данных. А ты, если понадобится, переберешь все свои залежи пуговиц и проверишь каждую.

Она бросила быстрый взгляд на стеклянную емкость с моими трофеями и стремительно вышла из комнаты.

Мне пришлось вылезать из постели и, преодолевая неутихающую боль в руке, одеваться, а затем тащиться в гостиную. Там я зажег все имеющиеся источники света, достал чемоданчик с художественными принадлежностями, открыл его и снова подумал о Хэл. Ее рисунки по-прежнему лежали под деревянной крышкой – яркие, необычные, запоминающиеся. Вот последний набросок, всего несколько грубых штрихов, но образ весьма четкий – корявая человекоподобная фигура с длинными костлявыми руками. Изображение Фобетора моей ученицы. Успела его нарисовать за считанные минуты в тот день, когда мы спешили на помощь ее друзьям. Интересно, вернется ли она?..

Я закрыл папку с работами Хэлэны. Достал чистый лист и взялся за первый портрет.

Харита села напротив и, пока я работал, не сводила с меня тяжелого, изучающего взгляда.

– Талия, ты не могла бы не смотреть на меня так? – попросил я, не поднимая головы. – Очень отвлекает.

– Я думаю о том, как Феликс мог скрывать этот дом. Здесь каждый угол, каждая деталь выдает принадлежность к миру дэймосов.

– Он никого сюда не приглашал. Кроме очень редких клиентов, – ответил я сухо, накладывая тени на впалые щеки женщины, все четче проявляющейся на бумаге.

– Нет, я о другом, – продолжила Талия с прежней задумчивостью. – Феликс был учеником Геспера. Тот учил его, поддерживал, всегда был в курсе любого его шага. И дом, где проходило обучение, должен был стать истинным домом Феликса. Откуда появился этот? Как можно совместить два убежища? Две сути – дэймоса и эпиоса?

Я посмотрел на хариту.

– Не знаю. Он никогда не говорил об этом. У нас было много тем для обсуждения, помимо прошлого моего учителя... Вот, первый портрет. – Я подтолкнул к ней рисунок.

Талия взяла лист, внимательно изучая лицо на нем, не глядя вынула из кармана пиджака тонкий коммуникатор. Суперсовременный сканер.

– Кора, – произнесла она через минуту. – Семьдесят шесть лет, живет в семье сына. Исторический центр Полиса...

Похоже, коммуникатор хариты был подключен к сети эринеров.

– Зачем ты напал на ламию? – спросила она, не поднимая взгляда от экрана.

– Мы столкнулись, когда я лечил одного из пациентов, – ответил я, рисуя второй портрет. – И она слишком настойчиво цеплялась за человека. Не хотела его отпускать. Мне пришлось принять меры, чтобы она забыла о жертве.

– Кто был жертвой?

– Девочка, – сказал я, растушевывая черную тень на листе. – Семь лет. Рисовала в парке. Добрая женщина восхитилась ее пейзажем. Юная художница подарила ей рисунок, а та угостила ее конфетой. Через два дня девочку привезли ко мне. Без сознания, с температурой под сорок. Кто-то из медиков, к счастью, понял, что ей нужен не врач, а сновидящий.

Талия мельком взглянула на меня, я заметил быстрый проблеск одобрения и подал следующий рисунок. На нем был изображен мужчина с высоким лбом, крупным носом, который Феликс назвал бы исторически-монументальным, и тонкими губами – в их складке виделась сдержанность и невозмутимость. Широко расставленные, светлые глаза...

– Норикум, – сказала Талия, вновь прибегнув к помощи сканера. – Северо-западный район Полиса. Научный сотрудник одного из отделений корпорации «ЗЕВС», лечился от серьезного невроза. Победил недуг и вернулся к работе. Что ты сделал с этим человеком?

– Сыграл роль мироздания.

– Кого, прости? – нахмурилась Талия.

– Помнишь, люди в древности молили богов о дарах и милости. Затем стали обращаться к мирозданию – дать любви, гармонии, благополучия. Фабий пришел ко мне просить сил.

– Сил? Физических?

– Нет, душевных. – Я невольно улыбнулся, вспоминая своего давнего клиента. – Уверен, Талия, у тебя никогда не было подобных проблем. Он считал, что ему недостает стойкости, решимости перед лицом возможных трудностей.

– Возможных? – чутко уловила Талия самое главное слово в моем ответе.

– Именно. У него была какая-то мелкая незначительная проблемка. Уже не помню что. И он обратился ко мне с просьбой дать сил, чтобы пережить сложности. Ну а как можно помочь человеку понять, что эти силы у него появились? Только подсыпав новых испытаний.

Харита откинулась на спинку стула и недоверчиво покачала головой, видимо поражаясь выводам, которые я делал.

– Вполне логично, – продолжил я. – Как тренируют мышцы? Все увеличивающейся физической нагрузкой. А мозг? Все более сложными задачами. А как тренировать силу духа? Проблемами и бедами, которые надо перенести с достоинством и мужеством.

– Мне сложно представить, что ты заставил его пережить. И главное, как ты это сделал?

– Подсознание – прекрасное место для игры, как ты понимаешь, фаенна. Я записал в него приказ постоянно делать неправильный выбор. Отступать тогда, когда требуется двигаться вперед, медлить, а не действовать, торопиться вместо того, чтобы остановиться и подумать.

– И к чему это привело его? – спросила Талия, слушающая меня со все возрастающим интересом.

– К попытке убийства. Но, судя по твоим сведениям, – я кивнул на коммуникатор в ее руках, – он действительно прошел все испытания. Теперь может говорить сам себе: «Какой же я сильный, все пережил и не сломался». То, что он хотел.

Харита покачала головой, поражаясь моему изощренному воображению и явно думая о том, что она никогда не доверила бы лечение людей дэймосу, даже бывшему.

– Жестокое решение, – произнесла наконец Талия и добавила нехотя: – Но необычное.

Я понимал, ей не слишком приятно оценивать нюансы действий черного сновидящего. Но она не могла не отметить стиль и размах моей работы. Девушка больше ничего не сказала, но я чувствовал ее пристальный взгляд.

– Я не очень-то задумывался о людях – хочешь ты сказать? Это правда. И юмор у меня был... своеобразный.

А еще я подумал, что в тандеме с Феликсом мы обладали действительно большой силой.

Я протянул ей последний лист. На нем был портрет парня с решительным и волевым лицом, строгость которого смягчали красивые, чувственные губы.

– Адриан? – произнесла Талия с удивленной вопросительной интонацией, напряженно вглядываясь в рисунок, словно пытаясь понять – не ошиблась ли она, потом посмотрела на меня, и в ее глазах отразилась новая степень неприязни. – Значит, это ты сделал?

– Кто он?

– Боюсь, Аметил, сегодня к числу твоих недоброжелателей прибавится еще один.

– Кто он, Талия?

– Друг Клио. Был им тридцать с лишним лет назад. – В голосе хариты зазвучала зимняя сталь. – Той самой Клио, которая вечно вытаскивала тебя из проблем, голосовала за тебя при решениях Пятиглава, добиваясь самого мягкого из всех возможных наказаний, и всячески поддерживала. А ты отблагодарил аониду тем, что украл жизнь у ее самого близкого человека.

Я почувствовал себя убийцей. Снова.

Воздействовать на прорицателя меня просил Феликс. Адриан не был моей жертвой. Нет, был, конечно, но выбрал его не я. Учитель принес однажды пуговицу и велел внести кое-какие мелкие изменения в сознание жертвы. Я сделал это. Легко, не задумываясь. Такое элементарное касание. Я забыл о нем, едва выполнив. Я даже не знал, что парень – потенциальный оракул. Вернее, не дал себе труда узнать, потому что был занят другим интересным, сложным, захватывающим делом.

Я хотел сказать об этом Талии, но не сказал. Не стал оправдываться. Все равно оправдания не было.

– Я могу все исправить.

– Почему же не исправил раньше? – горько спросила харита.

– Я делал это. Каждый день, но...

Я мог справиться со всем, кроме смерти. Помню, как сидел, перебирая пуговицы, но за каждой, почти за каждой была тьма. Тогда я старался вылечить кого-то другого, или сделать немного счастливее, или спасти от атаки дэймоса. Другого дэймоса.

– Собирайся, Аметил, – сказала Талия, аккуратно складывая мои рисунки. – Времени у нас не так много.

До остановки «Нота» я добирался сам. Очнувшись дома и поняв, что все произошедшее было лишь сном.

Харита и впрямь умела замечательно скрывать одну реальность в другой, смешивать явь со сновидением. Я получил, в каком-то смысле, то, о чем мечтал всегда, – иллюзию, созданную ее воображением, но сейчас отчего-то был совершенно не рад этому. Хотя и понимал, что, конечно, у одного из членов Пятиглава действительно нет времени на то, чтобы навещать меня лично.

До отправления экспресса оставалось еще полчаса. Чувствуя себя Сизифом, вынужденным бесконечно повторять одну и ту же тяжелую работу, я вошел в здание вокзала. Он работал круглосуточно, чтобы припозднившиеся пассажиры могли отдохнуть, погреться и перекусить.

Небольшой уютный зал, освещенный светильниками, выкованными в виде факелов. Они отражались в гладком зеркальном полу, словно в неподвижном утреннем озере.

Автоматы с напитками помаргивали зелеными огоньками. Я плюхнулся в кресло возле окна, за невысоким оливковым деревом в кадке, и прислонился виском к стеклу. Я занят тем, что вкатываю на гору камень, он летит вниз, готовый расшибить меня же самого по пути, – и я снова стремлюсь к подножию, чтобы затащить его обратно. Вполне понятная аналогия – пока разбираешься с одним дэймосом, на его месте появляется второй. Потом снова возвращается первый, хотя ты пребывал в блаженной уверенности, что с ним давно покончено. Впрочем, в этом занятии тоже есть плюсы. Пока вприпрыжку бежишь вниз с горы – отдыхаешь. Я усмехнулся, удобнее устраиваясь в кресле.

Десятки мыслей крутились в голове, полученная информация требовала немедленного анализа, четких выводов и решительных действий. Всего того, к чему я сейчас был совершенно не готов. Факты, гипотезы, домыслы сталкивались в сознании, пытаясь вытеснить друг друга.

Дом Феликса – дом дэймоса. Кто построил его? Кто был настоящим учителем моего учителя, кто развил в нем его истинную суть темного сновидящего? Я много раз спрашивал, но он всегда уходил от прямого ответа.

Почему Феликс блокировал Адриана? Чем тот был опасен для него? Или не для него?

Зачем дэймосам последняя могила из моего мира?

Ламия, предсказатель, ученый из корпорации... и четвертый, погибший... Но это не последняя могила, а первая значимая. Давняя история. И убирать ее из своего мира мне не хотелось. Она служила важным напоминанием о прошлом. Харита склоняется к версии прорицателя. И снова тот же самый вопрос – зачем Феликс с моей помощью поставил мощный блок на его дар. Что тот мог увидеть? Тайную суть моего учителя? Парень был близок с Клио? И, конечно же, рассказал бы ей о дэймосе под личиной целителя? Но почему Феликс опасался юного, еще не состоявшегося оракула, а не представителя Пятиглава – опытного предиктора Андониса? Многое бы я отдал, чтобы пообщаться с учителем и задать ему все эти вопросы.

Рядом скрипнуло что-то, как будто ножки скамьи по полу. Я поднял голову, выпрямляясь. По проходу между рядами к моему укромному месту за деревом шла девочка-подросток. Невысокая, тонкая, в коротком светлом платье, на ногах сандалии, золотистые ремешки оплетают худые голени. Она села рядом со мной, расправила подол на коленях, а затем медленно повернулась ко мне. У нее было белое плоское лицо, без носа и рта. А вместо глаз – две черные спирали, прорезанные в плоти. Они медленно вращались, из узких щелей на щеки текли мутные струйки грязи или крови.

Я смотрел в них, чувствуя, как немеет затылок. Существо рядом со мной пошевелилось, нижняя часть его лица задергалась, кожа вспучилась пузырем и лопнула с оглушительным визгом.

Я дернулся и открыл глаза. Висок холодел от стекла, к которому я прижимался мгновение назад, а за плечо меня кто-то решительно тряс.

– Эй, с тобой все в порядке?

Я выпрямился, повернулся. Рядом сидел молодой мужчина. Его куртка была расстегнута, под ней виднелась белая туника с золотой полосой. На светлых кудрявых волосах – широкополая шляпа-петас с крылышками, за поясом крылатый жезл вестника – керикион. Глаза, смотрящие на меня с участливым вниманием, сверкали золотой пылью вокруг зрачка. В руке с широким браслетом по запястью – пластиковая бутылка с водой.

– Держи. Выпей. Похоже, тебе приснился кошмар.

Все еще замороченный после резкого перехода от сна к реальности, я взял бутылку.

– Спасибо... Трисмегист.

Он рассмеялся, довольный. И только теперь, оглядевшись, я увидел, что меня окружают веселые люди в костюмах древних богов и героев. Эти наряды забавно сочетались с современной одеждой остальных пассажиров на вокзале. Все еще не уверенный, что нахожусь не во сне, я смотрел по сторонам. ...Мне понадобилась целая минута, чтобы понять – все они едут в «Этномир». Огромный исторический парк-музей, где жители Полиса любили проводить выходные и праздники.

– Плохой сон? – спросил меня человек, одетый Гермесом.

– Бывало и хуже. – Я отдал ему бутылку, поблагодарив кивком.

– Проблемы?

Забавно слышать вопрос, который обычно я сам задавал людям, выглядевшим обеспокоенными, озадаченными или взволнованными.

– Нужно сделать выбор. Сложный выбор.

– О, это по моей части. – Древний бог сложил руки на груди и посмотрел на меня с лукавой усмешкой. – И в чем сложность?

– Логическая задача. Три человека. Один из них важен. Но нужно понять какой. И я пока не знаю, как это сделать.

Золотые линзы в глазах моего собеседника заискрились. Бог разума, ловкости, красноречия, покровитель астрологии, алхимии, посланник богов и проводник душ умерших пронзительно улыбнулся.

– А может, ты подходишь не с того конца. Что, если выбора нет. И важны все трое. Каждый по-своему.

Я уставился на собеседника. Такая мысль не приходила мне в голову.

Ламия. Оракул. Ученый...

Я вскочил, увлеченный новой идеей.

– Ты себе даже не представляешь, как мне помог, Трисмегист.

– Всегда пожалуйста, – отозвался он.

Вдохновленный неожиданным поворотом событий, я направился к выходу из зала.

Ламия. Оракул. Ученый.

Если допустить, что важны, действительно, все они, то с кого мне лучше начать?

Я оглянулся на парня в костюме бога. Он смотрел мне вслед. Жезл в руке, небрежно опущенной на спинку кресла, покачнувшись, и мне показалось, что змеи, обвивающие его, шевельнулись. Одна посмотрела на меня, лизнув воздух раздвоенным языком, другая подмигнула рубиновым глазом.

Я тряхнул головой и провел обеими руками по лицу. Феликс говорил как-то, что сновидящие, чрезмерно погруженные в свою работу, могут начать путать сон и явь. Срываться с грани, отделяющей один мир от другого, и не замечать мгновение перехода. Не хотелось, чтобы нечто подобное начало происходить со мной.

У входа в туалет крутился механический уборщик. Увидев меня, он приветливо мигнул зеленым огоньком сенсора и вежливо посторонился. Я вошел в просторное светлое помещение. Зеркало, занимающее всю стену над рядом раковин, отражало бежевые плиты травертина. Темное состаренное дерево дверей гармонировало с ним цветом.

Я махнул рукой напротив сенсорного датчика крана, наклонился над керамической чашей, плеснул в лицо холодной воды. Состояние раздвоенности стало рассеиваться. Стабильность реальности перестала покрываться трещинами. За спиной стукнула дверь кабинки, послышался приглушенный детский смех.

В соседней раковине зашумела вода. Краем глаза я видел, как молодая женщина умывает маленькую девочку, а та смеется и пытается дотянуться до тонких палочек в стеклянной колбе диффузора, стоящего на мраморной столешнице. Когда она задевала их, аромат жасмина становился сильнее. Нормальная обыденность.

Я выпрямился, взглянул в зеркало, и тут же гладкая поверхность приобрела глубину, интерактивная панель отреагировала на мое движение. По ней побежали надписи, представляющие интерес для путешественника. Дружелюбное приветствие. Сегодняшнее число. Температура на улице. Время до отправления следующего экспресса. Расписание движения транспорта. Схема, помогающая добраться от зала ожидания до ресторанного дворика. И так далее.

Ничего нового. Я уже отворачивался от зеркала, когда среди стандартных строчек мелькнуло то, чего там не могло быть. Почти уверенный, что мне показалось, я снова повернулся к стеклу, и спустя мгновение среди букв и цифр мелькнуло «...Кора...». Вновь исчезло и загорелось красным в другом месте табло: «Брима Кора». Слова наливались зловещим багрянцем, наползали на остальные надписи, становились все больше и ярче. Теперь они пульсировали и занимали собой все зеркало.

«Кора. Брима Кора».

Алый цвет стал непереносим. Я зажмурился.

И открыл глаза. Гладкая стеклянная поверхность оказалась чиста. Я посмотрел на часы. До отхода моего поезда было меньше пяти минут.

Висок холодило оконное стекло. За ним проносились подсвеченные золотистым сиянием здания центрального Полиса. Кресло, в котором я полулежал, едва заметно покачивало. Уютно светились лампы на потолке. Место рядом со мной пустовало. Напротив сидела девушка, ее веки были опущены, на голове наушники, волна светло-русых волос накрывает плечи, тряпичная сумка, расшитая блестками, время от времени съезжала с колен, и путешественница, не открывая глаз, машинально ее поправляла. Девушка слушала музыку и едва заметно улыбалась.

– «Исторический центр», – пропел из динамика мелодичный женский голос. – Следующая остановка «Икария».

Экспресс начал тормозить.

Я поднялся и направился к выходу. Спустился на платформу.

Исторический центр. Место, куда мне всегда хотелось возвращаться. Здесь не ходил общественный транспорт, и передвигаться можно было только пешком или на гироциклах. Мимо меня как раз бесшумно прокатила стайка подростков на этих удобных платформах.

Высотные сооружения отступили. Вокруг не было домов выше пятого уровня, чтобы не заслонять величие древних храмов.

Включилась подсветка, и мраморные здания озаарились теплым, золотым светом.

Группа туристов тесным кольцом стояла напротив храма Адриана. Яркие вспышки фототехники бросали белые блики на белый мрамор. Проходя мимо, я с интересом рассматривал путешественников. Невысоки ростом. Черные волосы, черные узкие глаза, круглые лица, желтоватая кожа. Впрочем, девушки, несмотря на свою экзотическую внешность, были очень даже милы. Я улыбнулся двоим девчонкам, рассматривающим меня с не меньшим интересом.

В Полис приезжали туристы. И довольно много. Наша культура, исторические ценности, политическое устройство привлекали внимание остального мира. Да и мы сами на фоне других выглядели необычно. Высокие, светловолосые и светлоглазые.

«Единственный белый островок среди черно-желто-красных волн», – говорил Феликс про Полис.

Я еще раз оглянулся на девчонок, заметил, что они фотографируют меня украдкой, и помахал им. Путешественницы захихикали смущенно и отвернулись.

Впереди показался Пантеон³. Уникальное древнее сооружение, архитектуру которого долго не могли повторить досконально наши зодчие. Снова захотелось войти внутрь. Постоять

³ Пантеон – «храм всех богов» (др.-греч.).

под круглым отверстием купола, посмотреть на звезды. Но я прошел мимо белоснежного здания с рядом мощных колонн, поддерживающих тяжелую кровлю портика перед входом.

На ступенях сидели студенты, во все горло распевали пятый хтонический гимн о радости жизни и беззаботно хохотали. Похоже, сдали какой-то очередной экзамен.

Фонтан в центре площади переливался прозрачно-голубыми струями, а мифические рыбы удивленно пучили каменные глаза на веселых молодых людей.

Дом, куда я стремился, стоял в парке неподалеку от Пантеона. Невысокое здание из стекла и бетона напоминало очертаниями подкову и успешно маскировалось на фоне деревьев и пышных кустов, отражая зеркальными стенами темную, густую зелень. Свет фонарей растекался по фасаду вытянутыми золотыми стрелами.

Дверь мне открыл мужчина, в семье которого жила ламия.

Я с некоторым удивлением уставился на него. Высокий, широкоплечий, буйная шапка светло-русых кудрей небрежно перетянута светлой полосой ткани по лбу. Белая рубашка с закатанными рукавами в потеках и кляксах грязи. Мешковатые брюки растянуты на коленях. А поверх одежды – длинный фартук, густо заляпанный чем-то буро-серым. Мужчина стоял, держа руки кистями вверх, словно хирург перед операцией, и они до локтей были испачканы жидкой грязью.

– Добрый вечер, – сказал я, рассматривая его. – Виктор?

– Да, – ответил он, дружелюбно улыбаясь. – Извини, руки не подаю. – Хозяин дома пошевелил пальцами, на которых застывала густая серая масса.

– Аметил. Целер Аметил.

– О, снова к Коре? – Он посторонился, пропуская меня в прихожую, относительно чистым локтем захлопнул дверь. – Ее уже сегодня навещали сновидящие.

Значит, Пятиглав, так же как и я, торопится пройти по следам, которые могут привести к решению сложной задачи. Но они успели быстрее меня. Живущие в Полисе мастера снов не могли дожидаться, пока я выберусь из своей глухомани. Им надо было работать. Дом дэймоса, конечно, давал мне силы и защиту, но иногда я досадовал на то, что живу вдали от центра основных событий.

Интересно, что узнали они... и еще более интересна реакция Виктора. Его не удивило внезапное посещение представителей сновидящих. Хотя не каждый день в дом врываются желающие побеседовать с одним из членов семьи, к которому раньше не проявляли никакого интереса. Или проявляли?

– Возникли дополнительные вопросы. Я могу поговорить с ней?

– Конечно. Прямо по коридору. – Он мотнул головой, указывая мне направление, и пояснил: – Ты проходи. Знакомься сам, а то у меня там глина сохнет.

– Гончар? – спросил я с невольным удивлением.

– Нет, – улыбнулся он. – Скульптура крупных форм. Хочешь посмотреть?

– Очень, – ответил я абсолютно искренне. – Мне еще не доводилось бывать в мастерской скульптора. Но сначала нужно поговорить с Корой.

– Понимаю, – кивнул он, – работа прежде всего.

Дверь в конце коридора была приоткрыта. Точно как в том видении, что я показывал Талии. Тусклая полоска света пробивалась в щель и лежала на полу. Слышалось ритмичное, очень тихое постукивание.

Комната, где я оказался, была довольно просторной, но почти все пространство занимала старая мебель. Вдоль стен впритык друг к другу выстроились: деревянный резной комод с трещинами, этажерка, заставленная старыми книгами с потертыми, порванными корешками, пузатый шкаф, подпирающий собой потолок, его дверцы не закрывались плотно, потому что изнутри на них давила одежда – в щели виднелись разноцветные рукава и поеденные молью

трикотажные воротники. Под окном – стол, заваленный всяким хламом, среди бумажных папок, из которых торчат серые от времени листы со схемами для вязания, приткнулись два черных керамических горшка с чахлыми ростками красной сныти.

«Да, похоже, я сильно прижал ламию», – подумалось мне при взгляде на жалкие растения.

Особой рухляди и грязи здесь не было, но воздух комнаты пропитывал запах пыли, полироли для мебели, сушеной лаванды и старых, слежавшихся вещей.

В большом удобном кресле под высоким торшером, втиснутым между двух шкафчиков с посудой, сидела немолодая женщина в тускло-сером платье и сосредоточенно вязала нечто ядовито-розовое, бесформенное. Блестящие спицы так и мелькали в ее бледных руках с тонкими, сухими пальцами. Пробор старомодной прически с низким узлом разделял на две половины волосы на ее склоненной голове. От этой белой полосы во все стороны разбегались паутинки седины.

– Кора, – сказал я негромко.

Проворные пальцы замерли, звякнув спицами. Медленный, тяжелый взгляд исподлобья воткнулся в меня, обжигая неукротимой ненавистью.

– Ты-ы... – прошипела она и стиснула вязанье. – Это ты?!!

– Как самочувствие?

Ламия выпрямилась в кресле. Видно было, сколько усилий ей требовалось, чтобы сдерживать ярость. Но на худом, морщинистом лице застыла маска отвращения.

– Зачем явился?

Я прикрыл громко скрипнувшую несмазанными петлями дверь, чтобы отголоски нашего разговора не долетели до ее домашних.

– Охотилась еще на кого-нибудь?

– А что, не заметно? – выплюнула она с ожесточением, продолжая обжигать меня взглядом. Ее глаза, когда-то должно быть голубые, теперь напоминали тусклое, пыльное стекло. – Сидела бы я здесь старой арахной, если бы могла черпать силу как прежде.

– И не пыталась?

– Пыталась. – Еще один злобный взгляд в мою сторону, и она снова склонилась над вязаньем. – Чуть не сдохла. Всю ночь выкручивало. Еле поднялась.

Значит, я неплохо поработал над ней, полностью лишив возможности вытягивать жизнь из людей, чтобы пополнять свою силу.

– Ты могла обратиться к сновидящим. Тебе бы помогли. – Я подошел к столу, отодвинул папки и присел на край.

– Перековка? – Кора хрипло рассмеялась, постукивая спицами. – Издеваешься? Мне надо было избавиться от твоего блока, вылечить, а не сунуть голову между жерновами.

– Так ты пыталась вылечить?

Ламия нахмурилась, задышала хрипло, но знала, что вряд ли сможет скрыть от меня правду.

– Пыталась. Не вышло.

– И к кому ты обращалась?

– Не твое дело, – буркнула она, помолчала и призналась нехотя: – Есть один человек. Лечит таких, как мы.

Вот это интересная новость. Ни о чем подобном я раньше не слышал. И Феликс не говорил.

– Таких, как мы?

– Дэймосов, – произнесла ламия очень тихо, – пострадавших от атак других дэймосов.

– Кто он?

Кора насупилась, спицы в ее руках застучали с агрессивным звоном.

– Я ведь все равно узнаю. Проще сказать добровольно, чем ждать, когда я перепашу весь твой мир сновидений.

– Живет в Эсквиллине⁴. Большой дом с колоннами на втором уровне. Зовут Акамонт. Принимает только по рекомендации. Это все, что я о нем знаю.

Акамонт, значит. Интересная аллегория. Древний герой. После того как он покинул фракийскую принцессу, та подарила ему таинственный ларец. И когда он открыл крышку, то увидел, что содержимое его так ужасно, что упал с коня, напоролся на собственный меч и умер. Современный Акамонт, по всей видимости, считает, что так же, как герой древности, заглядывает в таинственные шкатулки с чудовищными секретами дэймосов. Только испугать его, похоже, невозможно.

– И многих он вылечил?

– Не знаю, – медленно процедила Кора. – Мне даже не известно, как он выглядит. Звонишь ему. Договариваешься на определенное время. Приезжаешь. Заходишь. Оказываешься в темной комнате. В центре – светлое пятно, в нем – стол, стеклянный. Кладешь на него личную вещь и деньги. Уходишь. Дома ложишься спать. Просыпаешься здоровой.

– Так почему он не помог тебе?

– Понятия не имею! Я перезвонила. Спросила. Он ответил, что не полезет в яму.

– И денег, конечно, не вернул, – пробормотал я, думая о другом. – Ладно, дай номер его телефона.

Ламия помедлила, отложила вязанье. Поднялась и прошла к комоду, со скрипом выдвинула нижний ящик, спиной заслоняя от меня его содержимое, наклонилась и принялась рыться, шурша бумагами. Я взглянул на ее склоненную седую голову и увидел на шее длинное малиновое пятно, напоминающее старый ожог. Он уползал под воротник ее платья и терялся там. Кожа выглядела нездоровой, сморщенной, из глубоких складок кое-где торчали редкие волоски. Вот она, так называемая метка Фобетора. Знак ламии. Феликс говорил, что иногда его может и не быть на теле вызывающего болезни, или он едва заметен, а бывало отметина бросалась в глаза вызывающим уродством. Не удивлюсь, если это зависит от того, сколько жертв на счету ламии.

Она не заметила моего пристального интереса. Наконец нашла то, что нужно, повернулась и небрежно сунула мне в руку.

– Спасибо, Кора.

Дэймос скривилась и снова села в кресло.

– Значит, к тебе приходили из Пятиглава?

– Приходили, – скупно ответила она и взглянула на меня с вернувшейся злобой.

– Кто?

– Девица из охотников. Зеленая... в зеленом, – неопределенно махнула рукой женщина и пожаловалась со слезливой интонацией: – Забрала любимую брошку.

– Еще кто?

– Прорицатель. Здоровенный титанище. Глаза как ледышки.

Весьма узнаваемое описание. Значит, Герард был здесь. Тогда у меня есть шанс вывести у него нужную мне информацию. Небольшой шанс.

– О чем спрашивали?

– О жизни.

– И что ты им рассказала?

⁴ **Эсквиллин** – один из самых больших и высоких холмов центрального Полиса, так же называется район города – северо-восточная часть.

– Правду, – выплюнула она зло. – О том, как столкнулась с молодым да ранним и он одолел меня. А теперь я полупарализованный инвалид, тащу по миру снов свое немощное тело, не живу, а существую, не дышу, а...

– Вот только на жалость давить не надо, – отозвался я резко. – На меня это не действует. Могла согласиться на перековку.

– Нечего перековывать, – оскалила женщина на удивление ровные, белые зубы. – Мой мир снов практически разрушен, тело сновидения сковано, психика подавлена. Ты славно поработал.

– Может, мне рассказать тебе о девочках, которых ты уморила? Судя по пятну у тебя на шее, их было немало.

Ламия, выпустив вязанье, непроизвольно вскинула руку, но не коснулась отметины. Я ожидал нового приступа гнева, однако женщина вдруг ссутулила плечи и произнесла тускло:

– Какая теперь разница.

– Послушай, Кора. – Я приблизился к ней, встал напротив, и ей пришлось поднять голову, чтобы посмотреть мне в лицо. – Я не вправе рассказывать тебе все детали, но хочу спросить...

– Ты говоришь прямо как представитель Пятиглава, – желчно усмехнулась она.

– В твоей жизни в последнее время не происходило ничего необычного?

– Кроме появления двух сновидящих, ничего.

– Ты уверена?

Она молча дернула плечом, показывая, что мои вопросы только ее раздражают. А я все смотрел на нее и пытался понять – чем эта немолодая женщина может быть интересна дэймосам? Одна или в комплекте с двумя другими моими жертвами.

– А в мире снов тоже все спокойно?

– А в мире снов я ничего не вижу и не слышу, – фыркнула она брюзгливо.

– К тебе никто не обращался со странными вопросами или предложениями?

– Нет.

– Никто не пытался связаться с тобой?

– Я же сказала, нет! – рявкнула она, и мне показалось, что ей очень хочется воткнуть в меня свои спицы.

– Тебе может грозить опасность.

– Хуже уже не будет, – она снова сгорбилась над вязаньем. – Мне все равно.

– Есть другие люди, кроме тебя, которые могут пострадать.

– Мне все равно. Повторить еще раз?

Ничего другого я и не ждал. Настоящий дэймос, которому плевать на всех, даже на близких.

– Кора, – послышался приглушенный голос Виктора, – сейчас начнется твоя любимая передача.

Ламия порылась в складках платья, вытащила старый пульт от телевизора и нажала на кнопку. Отвернулась от меня, показывая, что разговор окончен. Да и я видел – больше ничего не добьюсь. Можно попробовать заглянуть в ее мир снов, не через могилу на моем кладбище, конечно, мне хватило прежней попытки. Листок с телефоном неведомого лекаря вполне проходит по категории личная вещь. Впрочем, я и так знал, что там увижу. Слабость, безысходность, серую хмарь полностью подавленного мира.

И словно насмешка над этим воспоминанием, на экране под бодрую, радостную музыку пролетели пейзажи прекрасного острова с изрезанным берегом, бухтами, глубоко вдающимися в сушу, и длинными мысами, рассекающими море. Вода невероятно синего цвета, яркая зелень, желтый песок...

Затем на этом красивом фоне начали сменять друг друга изображения людей. Разного возраста. Мужчины и женщины. Привлекательные и не очень, дерзкие, уверенные, уравновешенные и стремительные. Я читал их лица быстрее, чем краткие досье, сопровождающие фото.

Первый умен и решителен, явный лидер. Второй – талантлив и предпочитает действовать в команде. Третья – тверда и честолюбива...

Все наши кандидаты в Ареопаг принимали участие в этой передаче. На уединенном острове в океане три недели они жили в сложных условиях, выполняя трудные, часто опасные задания.

Экстремальная обстановка всегда выявляет скрытые, истинные качества и достоинства. Прекрасный, умный, ответственный, как кажется с первого взгляда, человек в реальной жизни может оказаться нетерпимым, резким или истеричным в условиях недостатка еды, воды и убежища.

Это была отличная возможность показать свои человеческие и профессиональные качества – умение договориться с коллегами, способность действовать в команде и поодиночке.

А люди могли видеть на домашних экранах тех, кто вызвался защищать их интересы в правительстве. И реально оценивать, насколько готовы доверять каждому из кандидатов.

Кстати, передача пользовалась бешеной популярностью – и, как я читал, попасть в нее стремились все претенденты на кресло в Ареопаге.

В другое время я, быть может, уделил бы внимание захватывающим приключениям на одиноком острове, но не сегодня.

Я вышел из комнаты, попрощавшись с Корой. Она не ответила, сделав вид, будто не слышит.

Ну и что мы имеем в итоге. По словам ламии, ею никто подозрительный не интересовался, не приходил, странных вопросов ни во сне, ни наяву не задавал. Впрочем, я не могу быть ни в чем уверенным, пока не проверю ее мир сновидений. Сам. Лично. Без участия Пятиглава.

Я подошел к двери, которая виднелась в другом конце коридора, прямо напротив жилища ламии. Постучал. Ответ прозвучал не сразу и, как мне показалось, донесся издалека. Я открыл ее и застыл в полнейшем изумлении. Создавалось ощущение, что я внезапно увеличился в размерах, превратившись в гиганта. Меня окружали здания. Пантеон чуть выше колена, мраморная ротонда правительства высотой до пояса, овал стадиона...

Между ними голографические проекции – фрагмент стены, составленной из тонких перекрытий, в которых перетекал, светясь, серый дым, колонна, над ней часть фронтона.

На огромном экране, занимающем всю стену, – часть трехмерного чертежа какого-то строения. Я разглядел несколько этажей с разной высотой потолков, на них квадраты, прямоугольники, ромбы и круги помещений с указанным метражом. Сбоку тянулись длинные колонки расчетов и формул.

– Аметил... – донеслось откуда-то из-за них.

Я пошел на зов, обходя по дороге коробки, сложенные одна на другую, тонкие плиты пластика и новые голограммы, мерцающие голубоватым светом. Одна подрагивала, видимо, передающее устройство плохо направляло сигнал.

Виктор опирался о верстак, на котором стоял макет очередного здания. А подле него на виртуальном экране ноутбука последнего поколения медленно вращалась статуя богини. Та держала в руках тяжелые колосья, перевитые цветами. Деметра улыбалась, чуть наклонив голову с венцом сложной прически.

– Ну как она? – спросил мужчина, глядя на меня с доброжелательным вниманием.

– Кора? На первый взгляд довольно бодря, – ответил я.

А также полна ненависти и злобы. Но этого я, конечно, вслух не сказал.

– Меня удивил визит твоих коллег, – пояснил скульптор, жестом показывая мне на стул, и сел сам. – Но Кора сказала, в последнее время у нее были проблемы со сном. Поэтому она вызвала сновидящих. С ней действительно что-то серьезное?

Значит, ламия никогда не рассказывала о своих темных способностях домашним. И сейчас предпочла соврать. Что ж, не могу ее за это осуждать.

– Пока не провели прямое воздействие, сложно сказать.

– Понимаю, – отозвался Виктор.

А я подумал, что именно сейчас могу задать нужные вопросы и этому человеку. И спросил его о том же, о чем Кору:

– Скажи, в последнее время не происходило ничего необычного?

– Даже если и происходило, я бы этого не заметил. Мы сдаем проект. Все силы и все внимание на него. Отстраиваем новый район на побережье.

Я читал об этом. Грандиозный план, новые технологии. Часть зданий будут стоять на берегу, а часть под водой. В строительстве принимал участие Гефестион.

– Постой! Так ты работаешь с великим архитектором?

Он улыбнулся моему удивлению.

– Да. Уже много лет. Но он рассчитывает и возводит монументальные конструкции, а я занимаюсь фронтонной скульптурой.

Я промолчал. Наверное, выглядел изумленным. Но не потому, что познакомился с человеком, близким к величайшему творцу современности. Похоже, ответ на вопрос – зачем дэймосам могла понадобиться ламия, нашелся. Она была им не нужна. Большой интерес представлял ее близкий родственник.

– Как думаешь, кто выиграет? – снова зазвучал голос Виктора, отвлекая меня от размышлений.

Я с недоумением посмотрел на него, а он кивнул на небольшой экран, который я не заметил сразу. Там шла та же передача, что и у Кору, но с приглушенным звуком.

Меня совсем не волновали ни победители, ни проигравшие в этом шоу, но заявление, что меня не интересует общественная и политическая жизнь города, в котором я живу, можно было приравнять к признанию в неумении плавать или читать.

– Думаю, все шансы есть у Идмона. – Я кивнул на молодого мужчину, как раз в этот момент что-то горячо объяснявшего пяти собеседникам, окружившим его, и, судя по их лицам, те были готовы согласиться с его доводами. – Он лидер, умеет сплачивать вокруг себя людей и не боится риска.

– А я думаю, Анхис обойдет его, – улыбнулся Виктор. – Он менее напорист и агрессивен. Но его сдержанная тактика чаще приносит победу, чем энергия и прямой натиск. К тому же у него степень по политологии...

«Все же в существовании дэймосов есть смысл хотя бы потому, что у них бывают разумные, талантливые дети», – подумал я, глядя на скульптора, увлеченного беседой со мной. Если бы я уничтожил Кору, на свет не появился бы Виктор.

– Я оставляю тебе свои координаты, – сказал я, кажется перебив собеседника, – если случится нечто непредвиденное. Не важно что – захочется статую разбить, или желание работать пропадет, начнут сниться странные сны, позвони обязательно.

Он взглянул на меня с легким удивлением и усмехнулся:

– То же самое сказали твои коллеги. Мне уже стоит начать беспокоиться?

– Нет, – улыбнулся я как можно беззаботнее. – Нередко члены семьи больного тревожатся о его здоровье, иногда чрезмерно. Это раскачивает психику, увеличивает тревожность. Думаю, с Корой все будет в порядке, но просто знай, если что, ты всегда можешь позвонить.

– Ну хорошо. Спасибо, – ответил он, вполне успокоенный моим объяснением.

Мы поговорили еще немного и расстались довольные друг другом. Вернее, он был доволен, а я переполнен мрачными мыслями и сомнениями.

Через полчаса я сидел на нижней ступени Пантеона со стаканом кофе в руках и мучительно пытался проанализировать ситуацию.

Ламия. Беспомощна и бесполезна. Зато есть ее сын, мастер, который работает с самим Гефестионом, принимавшим участие в постройке большинства значимых объектов Полиса и – более того – в создании Стены. И через этого человека можно «выйти» на знаменитого архитектора.

Я вынул из кармана листок с номером телефона неизвестного лекаря дэймосов. Таинственного Акаманта, не страшась заглядывать в шкатулки с неведомым содержимым. Позвонить сейчас? Нет, вряд ли. Предчувствие подсказывало – спешить с этим не стоит, пока я абсолютно точно не определю, как именно следует вести с ним игру.

И в какой роли.

Я достал коммуникатор, нашел номер Герарда, но нарвался лишь на вежливый голос робота, сообщавший, что абонент находится вне зоны доступа. Куда его унесло?

Но едва я сбросил номер оракула, как экран высветил имя Талии, вызывавшей меня.

– Где ты? – спросила она, опустив приветствие, едва я успел ответить.

– Сiju у Пантеона, пью кофе. Хочешь присоединиться?

– Приезжай к Клио, – ответила она. – Сейчас. Это очень важно.

Глава 3

Нейротекс. «Эгла»

Последнюю неделю Герард больше времени проводил во сне, чем наяву. Распутывал клубки нитей вероятности. Пытался пробиться все дальше и дальше в будущее. Одновременно связать его с настоящим. Сортировал, сравнивал, вычленил самое главное, отбрасывал несущественное. Снова и снова перерывал горы битых ракушек и водорослей на бесконечном пляже времени в поисках нескольких ценных обломков перламутра. Каждый день, каждый час, каждую минуту вновь и вновь, до головной боли, до ломоты в мышцах, уставших от неподвижности, пока не услышал произнесенное тусклым, бесцветным, бесплотным голосом. Словно вздохнул сам мир снов:

Покуда юный мрамор не взойдет
в заброшенных людьми каменоломнях...⁵

Теперь стихотворная строфа пророчества крутилась в голове оракула, вновь и вновь возвращаясь по кругу, и отвлекала от всех других мыслей...

Но вращение наконец прервал звонок коммуникатора.

Увидев на экране имя, Герард испытал странное чувство – как будто должен был что-то сделать, но не сделал.

– Так ты едешь? – бодро поинтересовался молодой, деловой голос.

– Куда? – нахмурился оракул, пытаясь вспомнить, о чем речь.

– И этот человек учил меня ответственности и пунктуальности, – усмехнулся собеседник. – Мы планировали встретиться сегодня.

Оракул откинулся на спинку кресла.

– Точно. Извини. Замотался.

– Ты занят?

– Да. Еще есть кое-какие дела.

– Слушай, мне нужна твоя консультация.

– Лично моя или кого-нибудь из сновидящих?

– Лично твоя. И это очень важно.

– Хорошо. – Герард посмотрел на часы. – У меня есть свободные полчаса. Я буду проезжать мимо парка Ники Птерос. Ты вроде бы ходишь туда на обед.

– Тогда жду тебя, – отозвался собеседник уже гораздо веселее и отключился.

Оракул оглянулся на Аякса. Тот, глядя ему в глаза, медленно прищурился, что в кошачьей мимике означало улыбку. Он был не против этой встречи.

– Ладно, поедем, узнаем, зачем понадобилась «лично моя» консультация.

Центральный парк Полиса был разбит на холмах. Деревья и кустарники взбирались по крутым склонам, среди них шумели невидимые водопады и ручьи. Над густой зеленью возвышались многоуровневые здания. Два из них, принадлежащие академии эринеров, особо привлекали внимание – зеркальные призмы, поставленные друг на друга, отражали синее небо с бегущими по нему облаками.

В самой верхней точке холма, над обзорной площадкой, парил в воздухе храм крылатой Ники. Этот эффект достигался инженерной конструкцией постройки – здание приткнулось

⁵ Андрей Ширяев. «Здесь – воины...»

на кромке обрыва, которая, по замыслу архитекторов, символизировала край бездны. И чтобы добраться до него, надо было подниматься по многочисленным дорожкам, петляющим среди зелени, а затем преодолеть не одну сотню крутых ступеней. Нелегко путь к победе.

Древние считали, что за Никой всегда следует ее сестра, скрываясь в крылатой тени. Зависть. Святилищ ей не возводили, но неподалеку от храма победы стоял скромный алтарь, где в далеком прошлом оставляли дары и этой богине. Чтобы она не отравляла своим ядом, заставляя людей испытывать недостойные чувства.

В выходные и праздники парк был наполнен желающими отдохнуть на природе. На подъем к обзорной площадке выстраивалась очередь. В будние дни сюда приходили во время обеда, приводили экскурсии младших школьников в павильоны редких птиц и тропических растений. Сразу после рассвета встречались любители спортивных пробежек. Эффектные фонтаны и каскадные сады привлекали фотографов...

Герард сел на скамью у небольшого искусственного пруда, окаймленного цветущими ирисами. Аякс тут же прыгнул в траву и молнией исчез в кустах, только мелькнул пушистый черный хвост. И оракул не стал мешать его своеобразному отдыху. Он сам пытался хотя бы ненадолго отключиться от проблем, порадоваться жизни и предстоящему общению.

Неарка он увидел издалека. Молодой мужчина лет тридцати, в светлой рубашке и темно-синих брюках. К карману пиджака приколот официальный бейдж. Светлые волосы растрепаны ветром. В руках два стакана и пластиковая коробка.

Герард помнил его ребенком с вечно разбитыми коленями, подростком, спорящим со всем миром, уравновешенным, любознательным юношей. Оракул смотрел на своего внука с любопытством и симпатией. Они были похожи. У Неарки такие же глаза. Лыдиристо-серые, как говорила Ида. Светлые волосы, только немного другого оттенка, в охру. Высокий рост и крепкое телосложение. Губы другие, и подбородок чуть уже...

– Рад, что ты смог выбраться. – Мужчина сел рядом, поставил на скамью коробку с обедом.

– Как мама?

– Все еще негодует, – улыбнулся тот, открывая стакан. Запах крепкого зеленого чая с жасмином легко слился со свежим ароматом парка. – Ты не пришел на семейный ужин.

– Был занят.

– Ты все больше становишься чем-то вроде легенды семьи, – улыбнулся Неарк, придвигая к оракулу открытую коробку с едой. – О тебе рассказывают родственникам, но толком тебя никто не видел. А если бы и встретил, вряд ли узнал.

Герард усмехнулся. В этих словах была доля правды.

Клио утверждала, если у обоих родителей несколько поколений имеется ген сновидящего, он обязательно перейдет к ребенку. Если только у одного – вероятность примерно пятьдесят на пятьдесят. Если этого гена нет – в девяноста девяти и девяти десятых процента ребенок будет обычным человеком.

Герард попал именно в ту часть, потомки которой не обладали способностями мастеров сна. Ни дочь, ни внук. Иногда он жалел, что они лишены счастья полного погружения в иную реальность и не могут разделить с ним его мир. Иногда радовался, что избавлены от лишних сложностей.

Но в одном оракул был уверен точно – Неарк унаследовал страсть Иды к распутыванию всевозможных интриг и стремление устанавливать порядок и добиваться справедливости. И работал там же, в отделе «ЭВР»⁶.

⁶ **Эвр** – восточный ветер (мифол.). Отдел «Экстренного внепланового реагирования» – подразделение, которое использует специальные тактики в операциях с высоким риском, где требуются способности и навыки, выходящие за рамки возможностей обычных эринеров Полиса.

– Ладно, я заеду к ней, как только разберусь с делами, – сказал прорицатель.

– Я передам, – охотно откликнулся внук и тут же перешел на деловой тон: – Наш департамент получил сразу два запроса с отметкой Пятиглава, чего не было, как говорят, уже несколько десятилетий. Первый – просьба о содействии в поиске пользователя под ником «Морфей», который переписывался с подростками на сайте «Антиквар» и в итоге продал им флеш-карту с нелегальной информацией.

Герард кивнул, ожидая продолжения.

– Сервер, откуда шли сообщения, заблокирован. Он находился в Баннгоке, как и можно было предполагать.

– Но флешку парни брали здесь. В анонимном пункте выдачи. Кто-то ее туда положил и забрал деньги.

– Мы получили фото с камеры слежения. Гарантирую, скоро найдем курьера. Сможешь побеседовать с ним лично. Но теперь самое важное то, из-за чего мы с тобой встретились сегодня. Второй запрос Пятиглава. Я изучил файл. Там сказано, что юноша по имени Креон Авлет убит дэймосом.

– Да. Помню. Борец... Я смотрел его будущее.

«И там он был жив», – подумал Герард, но не произнес вслух. Жертва дэймоса, которую пытался спасти Мэтт.

Неарк пристально взглянул на оракула.

– Ну и как мне теперь вести расследование?

– Что тебя смущает?

– Определение «дэймос» в графе предполагаемого злоумышленника. У меня есть сомнения по этому поводу. Где искать убийцу? В мире снов? Я понимаю, вы в вашем центре привыкли сталкиваться со всевозможными странностями, искать и даже находить следы в... – Он неопределенно повел рукой. – ...иллюзиях. Но я сны к делу не пришью. Мне, моему начальству, нужны реальные, конкретные факты. Мотив убийства, к примеру.

– Мотива может и не быть. Или он покажется тебе абсурдным с точки зрения рациональности.

– Ну да, – усмехнулся Неарк. – Помню эти сказки в старинных книгах. Дэймос косо посмотрел на соседа – у того овца сдохла. Не сделал вовремя дэймосу дорогой подарок – ребенок умер. Дикие суеверия. Не хотелось бы дойти до такого состояния в настоящем. Ненормально, когда на любого, кто взглянет хмуро, находятся желающие бежать с доносом.

Герард молча смотрел на внука, понимая его сомнения. Для него, для многих, темные сновидящие давно ушли в прошлое. А теперь эринерам предлагают искать живой кошмар, обитающий в мире снов, куда имеют доступ лишь редкие избранные. И одно дело – посмотреть яркий сон, созданный харитой, или вылечить редкое заболевание, но совсем другое – ловить невидимого, неосязаемого преступника, который таится где-то на границе чужого подсознания. То ли реальный, то ли выдуманный представителями Пятиглава от чрезмерной погруженности в свои видения.

«Вполне возможно, он, да и другие слишком привыкли считать дэймосов чем-то вроде персонификаций страха или хаоса, – думал Герард. – Но проблема в том, что те – вполне реальные люди».

– Знаешь, я не очень-то доверяю рассказам о всемогущих дэймосах, постоянно подстерегающих беспомощных спящих. Представляешь, какая истерия может начаться в обществе, если преступления станут валить на них? Мы проверяем и перепроверяем все подозрительные дела. Но за те годы, что я работаю, ни одно в итоге – ни разу, Герард, не оказалось мистическим проявлением темных сновидящих. Это были обыкновенные нарушители закона.

Герард невольно вспомнил, как говорил Мэтту совсем недавно почти то же самое, только с точки зрения представителя Пятиглава.

«Про дэймосов давно не слышно, все дела, которые можно приписать им, оказываются обычными преступлениями».

Как быстро все меняется...

– Кстати, ты знаешь, что Креон был сыном Эгия Авлета? – спросил Неарк.

– Эгий Авлет... – повторил оракул. – Что-то знакомое.

– Заместитель главы департамента образования.

Неожиданный поворот. Герард обернулся к внуку, и тот понял, что сумел не на шутку заинтересовать сновидящего.

– Мы пригласили его. И он рассказал историю, – продолжил эринер, глядя на собеседника светлыми, сосредоточенными глазами. – О том, как незадолго до смерти сына ему поступило анонимное письмо. Он не отреагировал на него, и ему начали сниться странные сны.

– Какие?

– Нервные. Пугающие. Эгий решил, что это от перенапряжения на работе. Они как раз разрабатывали новую систему обучения.

– Что в анонимке?

– Резкая критика. А также настоятельный совет подумать и подправить содержание телевизионных передач, в создании которых он принимал участие. Сместить акценты, так сказать. Сделать шоу чуть более развлекательным и в то же время жестким...

Неарк прервался, отпив чай из своего бумажного стакана, аккуратно поставил его на скамью и продолжил:

– Эгий говорит, что сначала не придавал этому совпадению никакого значения. Потом, после смерти сына, было не до того, и только сейчас он начал задумываться. Сопоставлять...

– Значит, настоящей жертвой дэймоса был не сам Креон. Ему, или им, был нужен его отец...

– Ну да, для того, чтобы изменить сетку теле вещания, – усмехнулся Неарк. – И почему тогда погиб сын?

– Эгия не шантажировали? Не делали намеков о том, что кто-то из его семьи может пострадать, если он не внесет изменения в эти передачи или в новую систему образования?

– Ни о чем подобном он не говорил... Ладно, допустим, так и есть. Его шантажировали, а он не понял этого. Или не признается. – Неарк словно шахматную фигуру переставил коробочку с соусом по скамье. – Но отчего твой дэймос не внушил этому человеку желание сделать все так, как ему требуется?

– Потому что на подсознание членов правительства наложена серьезная защита. Ими нельзя управлять напрямую.

Внук помолчал, осмысливая.

– Что с письмом, которое получил Эгий? – спросил Герард.

– Наши компьютерщики изучают. Коды зашифрованы, но есть шанс, что выйдут на след, откуда оно отправлено.

– Значит, пока ничего, – произнес Герард, думая о том, что надо поработать с отцом Креона. Ключ к происходящему может найтись в его снах.

Из кустов вынырнул Аякс, увидел Неарка, степенно прошел мимо, увернулся от его руки, протянутой для поглаживания. Он считал внука оракула самым младшим родственником в своем прайде и держался соответственно. Но приветливо взметнул пышный хвост, показывая дружеское расположение. Запрыгнул на скамью, фамильярно перешагнув через обед, уселся рядом с оракулом и принялся намывть морду.

– В отчете Пятиглава была указана физиологическая причина смерти – остановка сердца, – медленно произнес эринер.

Прорицателю был знаком этот многозначительный тон и чуть прищуренный взгляд, за которым скрывалось жадное внимание.

– Физически – остановка сердца, – отозвался Герард, ожидая продолжения.

– Теперь послушай, что нашли наши криминалисты. В тканях убитого обнаружены следы вещества, которое вызывает паралич сердечной мышцы при определенных обстоятельствах. Парень принял убийную дозу препарата, предназначенного для улучшения проводимости импульсов по нейронам. – Неарк заглянул в свой электронный блокнот. – Официальное название «Нейротекс», используется в биоинженерии. Производитель – фармакологическая компания «Эгла»⁷, основной потребитель – корпорация «Эндимион», занимающаяся программами биотехнологий. Уникальная разработка, усовершенствованная формула и так далее.

Герард откинулся на спинку скамьи, наблюдая, как Аякс старательно намывает морду, загибая лапой за ухо.

– Борец принял препарат, который применяется в генной инженерии, – продолжил эринер, захлопывая крышку блокнота. – Как думаешь, зачем?

– Ну и зачем?

– Ему кто-то подсказал сделать это. Чтобы повесить свои спортивные результаты. Я говорил со специалистами. О влиянии нейронного протектора последнего поколения на организм человека. Нейротекс дает потрясающий эффект: улучшение реакции, снижение болевого порога, невероятная выносливость.

«Все то, чем обладает Тайгер», – мельком подумал Герард.

– Но в случае передозировки... это вещество приобретает мощное побочное действие. Оно убивает во сне. Правда, лишь в определенной фазе сна. – Эринер усмехнулся невесело. – За последние недели я стал специалистом в области засыпания. Когда человеку снится кошмар, на его пике, ну или в самом страшном месте, проще говоря, сердце останавливается.

Аякс забыл об умывании, опустил лапу, замер и уставился на оракула яркими золотыми глазами. Герард кивнул в ответ, его тоже одолевали сомнения. Он знал – Геспер только прикоснулся к сознанию парня, как тот закричал от боли, страха или того и другого одновременно, а спустя долю секунды его сердце перестало биться. Целитель едва успел выдернуть себя из гаснущего мира снов, прежде чем тот схлопнулся, чуть не погубив самого сновидящего.

– Значит, если подвести итог, – сказал Герард. – Борец плотно сидел на препарате, улучшающем физические параметры. Его отцу сделали предложение, от которого тот отказался. Тогда сыну послали кошмар, и если прежде он всего лишь проснулся бы в холодном поту, то сейчас нейротекс, циркулирующий в его организме, послал убийный импульс и остановил сердце.

Неарк утвердительно наклонил голову.

– Если дэймос хочет убить, он убивает, – сказал Герард, глядя на Аякса. – Сам. Лично. Ничего не усложняя и не оставляя следов. Здесь же не просто след, а целое шоссе, ведущее к двум корпорациям. Производителю и потребителю препарата.

Эринер помедлил, похлопывая крышкой блокнота, затем спросил:

– А если это был не дэймос?

– Обычные люди кошмаров не посылают, – невесело улыбнулся оракул.

– Кошмар и не присылали. Они сняты всем время от времени. Но в данный момент я не про обычных людей. Мастера снов ведь тоже умеют управлять подсознанием. Ни для кого из них не составит труда отправить нужный психический импульс...

– Никто из нас не убивает людей, – ответил Герард резко и, видимо, слишком громко, потому что внук поморщился, а две девушки, проходившие мимо, оглянулись.

– Это всего лишь одна из версий, – отозвался Неарк миролюбиво. – Ты сам учил меня рассматривать любые варианты, самые невероятные.

⁷ Эгла – имя одной из гесперид, хранительниц золотых яблок вечной молодости в саду Атланта, на краю мира.

– Версия Пятиглава – борца убил дэймос, – уже спокойнее произнес оракул. – И мой друг, сновидящий, столкнулся с ним.

Герард кратко рассказал о встрече с Креоном на стадионе, попытке Мэтта вылечить его и внезапном нападении морока.

Эринер выслушал, на секунду вид у него стал отсутствующим, глаза погасли, взгляд как будто замкнулся сам на себе, отторгая картину окружающего мира.

Аякс фыркнул и развалился на скамье, столкнув на землю пустой стакан.

– Хочешь сказать, что это совпадение, – произнес наконец Неарк. – Нейротекс отдельно, дэймос сам по себе. Парень хотел стать чемпионом, таинственный доброжелатель подсунул эффективный препарат. А у темного сновидящего была своя цель, закончившаяся смертью Креона.

– Не исключено.

– Да, но вот только сегодня утром нам сообщили о смерти еще одного спортсмена. Пловец. Двадцать лет. В крови та же убойная доза нейротекса. Умер во сне.

– Родители?

– Мать – преподаватель. Отец – программист. Никаких угроз, требований и предупреждений не поступало.

– Где они берут препарат?

Неарк многозначительно улыбнулся и произнес:

– Я сейчас в «Эглу». Ты со мной?

– Едем. – Герард решительно поднялся со скамьи.

Аякс прыгнул на землю и, взметнув хвост как флаг, направился в сторону машины. Неарк быстро сгреб мусор в пустую коробку, бросил в урну, где тут же зашумел утилизатор, и пошел следом за котом.

Эринер занял место рядом с оракулом, пронаблюдал через плечо, как черная косматая тень взлетела на заднее сиденье и застыла там с видом сфинкса.

– Он всегда с тобой? – спросил Неарк, хотя знал ответ.

– Всегда, – ответил Герард, выводя машину со стоянки.

– Ида умерла, мать уже немолода, а ты со своим котом по-прежнему...

– А я по-прежнему работаю, – сказал оракул.

Просто констатировал факт, но Неарк услышал в его голосе столько силы, выдержки и воли, что ее хватило бы на целый департамент эринеров. «Ну, или хотя бы на один отдел точно», – усмехнулся внук прорицателя.

Герард работал. Днями, неделями, годами... десятилетиями.

Видел будущее и прошлое. Погружался во время, сортировал часы и просеивал минуты. Искал реальные факты в нереальном пространстве.

Он появлялся, исчезал, снова мелькал на горизонте и опять уходил в тень. Он всегда существовал в другом мире. Где жили обворожительные, прекрасные, вечно молодые женщины и мужчины. Которые платили за свою долгую жизнь и юность постоянным риском, напряжением всех сил, безумием, смертью...

– Вполне вероятно, что эти два спортсмена не последние жертвы. Но мы не знаем, есть ли еще кто-то, кто принимает нейротекс, – сказал Герард, поворачивая руль.

Машина свернула с каскада садов на трассу, ведущую из города.

– Представители спортивной федерации обещали провести проверку. Но представляешь, сколько это займет времени? Да к тому же у нас каждый второй занимается спортом. На вполне профессиональном уровне. Любой может стать жертвой.

– Возможно, – задумчиво произнес Герард.

По рассказам матери, Ида восхищалась им. Принимала как должное все странности. Запрещала шуметь, когда он «работал». Хотя Герард спал так крепко, что его не разбудил бы и горн Ники. Помогала в работе, сглаживала все острые углы непростого характера и очень жалела, что ее дочь не переняла уникальный дар.

Потом ее не стало, а он остался. Работать.

– Чем быстрее я пойму, что ему нужно, тем быстрее мы его... или их... поймем. – Герард притормозил перед въездом в тоннель, пропуская рейсовый автобус.

– Кстати, меня давно интересует, почему ты считаешь, что дэймоса может вычислить и нейтрализовать только сновидящий? – спросил эринер. – Выстрелить из оружия и попасть способен любой неплохой стрелок, хоть это вы в Пятиглаве не беретесь отрицать. А понять, какие мотивы у преступника, кто он и где скрывается, должно быть, не сложнее, чем при обычном расследовании. И дальше действия по обезвреживанию ни один дэймос не способен остановить, не будет ведь он заранее воровать носовые платки у всего состава эринеров Полиса, чтобы вызвать у них резкую головную боль, – Неарк усмехнулся, – или удушье в момент выстрела. По сути, мне кажется вообще не слишком важным, что преступник – дэймос. Методы поиска могут быть совершенно идентичны обычным нашим методам. Так почему ты убежден, что в разоблачении и обезвреживании деймосов эринеры настолько бесполезны?

Подобный разговор был не первым. Прорицатель уже беседовал на эту тему. С Идой. Ее тоже возмущала собственная беспомощность и слабость перед бичами сновидений, которые могут неузнанными находиться сколь угодно долго рядом с человеком, проникать в его сны, в личную жизнь, управлять событиями жизни, да и прервать эту самую жизнь в любую секунду. И он целый вечер приводил всевозможные доводы, которые должны были примирить ее с существующим порядком вещей, но только все больше приводили в негодование.

Она тоже выслеживала темного сновидящего. Но не смогла поймать даже при содействии Пятиглава. Тайна гибели крадущей сны, Кайры, до сих пор оставалась нераскрытой. Не обнаружилось ни одного следа, ни единой зацепки. Даже юноша, подвергшийся воздействию, не помог в этом. Его сознание не содержало ни единого следа, который привел бы к убийце. С тех пор до сегодняшнего дня активности дэймосов в Полисе не наблюдалось.

И теперь внук Иды оказался втянут в дело, связанное с темными сновидящими. Преемственность поколений...

– Эринеры не бесполезны, Неарк. Они лишь недостаточно эффективны, – с легкой улыбкой произнес оракул. – Категории нарушения закона обычным преступником и дэймосом – очень разные. То, что нужно создателю кошмаров, тяжело понять нормальному человеку. И масштаб их злодеяний обычно совершенно несравним с банальной кражей и даже единичным убийством. А если говорить о фактах. Тех, которые имели место быть в моей жизни... Ида как-то пыталась вычислить дэймоса. И если бы не один сновидящий, ты бы вряд ли сидел на этом месте.

– Это было почти полвека назад. Сейчас все изменилось – средства связи, система слежения и сканирования... Да и само «ведение» преступника. Ищи, кому выгодно – это правило еще никто не отменял. Работа с ближайшим и дальним окружением, контакты, основные маршруты передвижений.

Герард слушал давно известные аргументы, которые были абсолютно логичны. На первый взгляд и даже на второй.

Аякс приподнялся, в зеркале заднего обзора отразились его внимательные, насмешливые золотые глаза. Он тоже с интересом внимал рассуждениям эринера.

Высотные здания центрального Полиса остались позади, спутники проехали тоннели, вынырнули у череды холмов, за которыми начиналась промышленная зона. Шоссе постепенно поднялось на крутую возвышенность.

Первое, что они увидели сверху, – зеркальные поля гелиотермальной станции. Тридцать процентов всей энергии Полиса вырабатывалось именно здесь.

Три пятидесятиуровневые башни и длинные приземистые строения подле каждой из них.

На верхушках пилонов светились огромные бело-черные кубы – котлы, наполненные кипящей жидкостью, из них поднимались едва заметные тонкие полосы пара. Подножия сооружений окружали сверкающие пластины гелиостатов. Подвижные зеркальные модули, управляемые компьютерами, ловили солнечные лучи и отражали на кубические баки, поворачиваясь вслед за солнцем, пока оно не садилось за горизонт. Жидкость в котлах, нагреваясь до семисот градусов, превращалась в пар, он шел вниз к турбине и вращал ее, вырабатывая электрическую энергию.

Эта станция работала даже в темноте – часть разогретой жидкости нагнеталась в хранилища и постепенно выпускалась в турбины до тех пор, пока солнце вновь не поднималось над горизонтом.

Герард молча смотрел на приближающиеся зеркальные поля, думая о том, что когда-то это казалось бы фантастической картиной. Неарк, которому не было дела до привычных современных принципов выработки гелиотермальной энергии, продолжал рассуждать о новых средствах слежения.

– Ладно, – сказал оракул, перебивая его. – Допустим, у тебя возникло предположение, что человек пострадал от атаки дэймоса. Твои действия?

– Ты говорил, для влияния на объект им нужен личный предмет. Запонка, закладка, ключ, носовой платок...

– Не обязательно. Это может быть использованный пластиковый стакан, салфетка, которую прихватили, проходя мимо, у автомата.

– Пусть так, – снисходительно заметил эринер, – в общественных местах установлены камеры. Можно легко отследить того, кто крутился рядом с потерпевшим. А также – и с тем, кто ведет расследование.

– Это может быть вещь, которую человек подержал в руках в магазине, но не решился купить, – продолжил Герард, – чашка в кафе, которую он любезно передал симпатичной девушке, зонтик, уроненный старушкой, ручка, которой знаменитость ставит автограф восторженному поклоннику. Тысячи людей, тысячи предметов.

Оракул взглянул на Аякса, приподнявшегося на сиденье и с самым сосредоточенным видом слушающего разговор.

– У нас все граждане ведут свободное общение. Никто не откажется сфотографироваться с туристом, привычны дружеские объятия при встрече, рукопожатие, или... общее фото на вечеринке. – Герард неожиданно протянул руку, обхватил внука за плечо, привлек ближе к себе, предлагая смотреть в воображаемый объектив камеры.

– Эй! – сдавленно воскликнул Неарк, пытаясь сбросить медвежий захвата оракула.

Аякс одобрительно и насмешливо румкнул с заднего сиденья.

Но Герард уже выпустил эринера, а затем продемонстрировал прямоугольную карточку, которую вытащил из его кармана во время «съемки».

– Вот так это делается.

– Большая практика? – хмуро поинтересовался Неарк, забирая у прорицателя визитку и пряча обратно в карман.

– Все приходится постигать на собственном опыте, – отозвался Герард. – Кстати, кто такая Этра Коклес? Если я успел правильно прочитать имя на карточке.

– Успел-успел, – усмехнулся внук. – Близкая подруга погибшего пловца. – И, предвосхищая вопросы, добавил: – Она не заметила в его поведении ничего странного и необычного. Кроме того что в последнее время результаты Роданта на дорожке значительно улучшились.

– Этой девушкой и делом пловца также займется Пятиглав. След черного сновидящего можно найти лишь в подсознании. И сделать это в состоянии только мастер снов, так что ни к чему напрягать эринеров. У вас и так масса дел в районе Тритона...

Неарк хмыкнул. С последним утверждением было сложно поспорить.

– Ладно, допустим, поймать дэймоса, совершившего внезапное, единичное, спонтанное нападение практически невозможно, если ты не сновидящий... Но только до тех пор, пока ваш бич сновидений не стал оставлять следы в реальном мире. Он – серийный убийца, Гер. И мы будем применять к нему методы, какими пользуются при поимке опасных социопатов. Одна цель. Один почерк. Одно орудие убийства – нейротекс.

– Ну хорошо, отложим дискуссию до следующего раза. Сосредоточимся на «Эгле».

Поля зеркал остались позади. Машина ехала по длинной аллее платанов, их светлые стволы с мозаикой из пятен бледной и зеленоватой коры мелькали за стеклом, словно стражи, охраняющие ряды теплиц. Стеклянные сооружения гидропонных систем перемежались рядами фотоэлектрических модулей солнечных батарей. Белые полосы сменялись черными и снова белыми.

По пути начал попадаться транспорт компании «Эгла» с приметным золотым яблоком на бортах.

– Я говорил с главой компании, – сказал Неарк, глядя в окно. – Лаодикой Кносс. Она готова нас принять в любое время.

– Какая многообещающая готовность к сотрудничеству, – отозвался Герард.

Здания компании стояли в глубине парка. Корпуса, соединенные стеклянными галереями. Отдельная секция мощных генераторов. Легкий забор по периметру.

Оракул заметил на воротах глазки камер, провожающих каждую машину. И мысленно одобрил ненавязчивые меры безопасности. Створки автоматически открылись и так же медленно сдвинулись.

Широкая дорога вела к центральному зданию. По обеим сторонам – поляны цветов и низкие кусты – обрамление для яблонь, увешанных алыми, глянцевыми плодами.

«Как много значат символы в нашей жизни», – отстраненно подумал Герард, направляя машину на открытую стоянку, где были припаркованы автомобили сотрудников.

– Останься здесь, – попросил оракул Аякса, начавшего нехотя приподниматься на сиденье.

Тот довольно улегся обратно, уютно привалившись боком к теплему пледу.

– Хорошая у тебя жизнь, приятель, – сказал ему Неарк, выбираясь из салона. – Отдыхаешь да птичек ловишь.

Герард усмехнулся, кот прищурился, но никто из них ничего не ответил эринеру.

Первое, что они увидели в центре просторного холла, была скульптура. Высокое дерево простирало мраморные ветви над девушкой в длинном развевающемся хитоне. Каменная гесперида Эгла держала на ладони яблоко вечной молодости, протягивая его всем входящим и безмятежно улыбаясь.

За ее спиной на огромных экранах, занимающих всю стену, сменяли друг друга яркие кадры рекламного ролика. Умиротворяющие изображения плавно перетекали одно в другое: цепочки ДНК превращались в струящиеся потоки водопадов, нейроны – в ветвистые деревья, кровеносные сосуды – в реки, клетки – в материки, а зелено-голубой шар планеты – в яблоко. То самое, что держала на ладони прекрасная нимфа, давшая название всей компании. Звучала тихая, нежная мелодия, заглушающая привычный шум большого общественного здания. Шаги, хлопки дверей, голоса, писк магнитных замков.

– Могу вам помочь? – раздался рядом вежливый голос.

Герард оглянулся и увидел мужчину в строгом костюме с неизменным значком «Эглы» на лацкане.

– У нас встреча с Лаодикой Кносс, – сказал Неарк, привычным жестом показывая свой жетон эринера.

– Да, она предупреждала, – кивнул тот и указал в сторону одного из коридоров. – Вас проведут.

В холле появился еще один человек и жестом попросил следовать за собой.

Сотрудники компании, встречающиеся на пути, с интересом провожали взглядами двух мужчин, явно не являющихся работниками их фирмы. Но были слишком заняты, чтобы задавать лишние вопросы о причинах визита. За стеклянными стенами виднелись фрагменты лабораторий с приборами и компьютерами.

В кабинете гостей ждала стройная женщина в бледно-голубом халате.

– Неарк Эгнаций, – коротко представился эринер, показывая свой значок. – Я вам звонил.

Женщина вежливо наклонила голову, переводя взгляд на оракула. У нее была очень светлая, почти белая кожа. Мраморная, едва тронутая слабым румянцем. Бледно-розовые, красиво очерченные губы. Светло-золотистые пышные волосы, брови на тон темнее. И неожиданно черные ресницы вокруг темно-синих глаз. Любопытное сочетание.

– Предиктор Герард, – представил Неарк оракула.

А тот пристально рассматривал женщину, удивляясь ее мраморной красоте, гладкому лбу, лишенному морщин, идеально точеным скулам. Плавным, сдержанным движениям.

– Предиктор, – повторила она глубоким, певучим контральто, и в уголках ее губ появилась тень многозначительной улыбки.

– Да, прорицатель, – подтвердил Герард, отвечая на эту улыбку.

– Что ж, прошу, располагайтесь.

В кабинете с большим окном, выходящим в сад, стоял лишь стеклянный стол с пластинкой ноутбука и несколько стульев, отлитых из прозрачного пластика. По выгнутой нише в стене медленно плавали туда-сюда за тонким стеклом разноцветные плазменные шары.

– Ваша компания выпускает препарат под названием «нейротекс»?

– Да, наша лаборатория занималась его разработкой и последующим выпуском, – произнесла Лаодика.

– Что вы можете рассказать о нем?

– Нейронный протектор последнего поколения, – произнесла она. – Улучшает проходимость нервных импульсов. Наша лаборатория в течение уже семидесяти лет занимается его разработкой и усовершенствованием. И лишь в последние годы мы достигли оптимального результата. Но насколько я поняла из нашего разговора, – Лаодика взглянула на Неарка, – вам это известно. Так что позвольте узнать, почему этот препарат вызвал такой интерес у эринеров и сновидящих?

Прежде чем Неарк успел ответить, Герард сунул руку в карман, вытащил пару монет, выбрал одну и подал женщине.

– И что мне с этим делать? – улыбнулась она.

– Просто подержите.

Лаодика помедлила, словно решая, стоит ли идти на поводу у причуды сновидящего, затем взяла медный кружок и сжала в ладони.

– Нейротекс можно приобрести в свободной продаже? – спросил эринер.

– Нет, – вежливо улыбнулась женщина, переведя взгляд на него. – Он не продается в аптеках. Мы изготавливаем этот нейропротектор по заказам корпораций «ЗЕВС» и «Эндимион». Все партии строго учитываются.

– И у вас нет частных заказчиков? – спросил Герард.

– Есть, – сделав очень короткую паузу, ответила Лаодика. – Один из них архитектор Гефестион, его тело не будет действовать без нейропротектора. А также представитель Пятиглава...

– Тайгер, – сказал оракул.

– Да, второй наш клиент балатор Тайгер.

– Они обращаются к вам каждый раз, когда им понадобится, – эринер сделал движение воображаемым шприцем над своей веной, – ...доза?

– Нет, мы сразу предоставляем годовой запас.

Эринер посмотрел на оракула. Тот прекрасно понимал, о чем он думает. Препарат можно передать кому-нибудь или просто украсть... правда, Герард не мог представить, как кто-то мог похитить что-либо у охотника за дэймосами.

– Простите, однако я по-прежнему не понимаю, к чему эти вопросы, – настойчиво, но пока еще мягко произнесла Лаодика.

– Два человека погибли, – отозвался Неарк холодно, – и у обоих умерших в тканях нашли следы вашего нейропротектора.

Ученая нахмурилась, ее пальцы непроизвольно крепче сомкнулись вокруг монеты.

– Два человека? Они принимали нейротекс? Но он не предназначен для употребления людьми. Кому могло прийти в голову так рисковать своим здоровьем? И главное – для чего?

– Улучшение физических показателей, – сказал оракул.

– Генная модификация, не так ли, предиктор Герард? – спросила она, окинув его внимательным взглядом.

Он утвердительно наклонил голову.

– В вашей крови сейчас циркулирует вещество, идентичное нейротексу, также изготовленное на нашей фабрике. И оно абсолютно безопасно. Мне было бы понятнее, если бы эти люди принимали его. Кроме того, существует множество биодобавок. – Лаодика отложила монету, ее пальцы снова скользнули по виртуальной клавиатуре, открывая новое окно с новой цепочкой молекулы. – Вот, пожалуйста, также один из продуктов нашей лаборатории.

Прорицатель подался вперед и взял монету, нужный заряд эмоциональности та уже получила.

– И опять же повторяю, нейротекс нельзя купить...

– Даже если очень постараться? – вкрадчиво спросил Неарк.

– Вы намекаете, что кто-то из нашей лаборатории мог распространять его нелегально? – Лаодика скептически улыбнулась. – Это невыполнимо. Технически это невыполнимо. Все операции компьютеризированы. Мы принимаем заказ, задаем определенную программу на нужное количество вещества и на выходе получаем готовый препарат. Не больше и не меньше. Все ходы записаны. – Она с легкой насмешкой смотрела на эринера. – Вмешаться в процесс невозможно. Мы не древние эскулапы, перетирающие в ступках ингредиенты для лекарств. Нельзя отсыпать себе немного в карман и вынести из здания.

– Любую программу можно переписать, – заметил эринер.

Ее лицо с бледной кожей стало медленно розоветь.

– Мы не травим людей своими препаратами, – произнесла она наконец, – мы продлеваем им жизнь.

– А мы пытаемся разобраться, – вежливо откликнулся Неарк. – В тканях двух погибших найдены следы вещества, которое применяется в генной инженерии. И которое, как вы говорите, нереально достать в Полисе.

– Кто имеет доступ к синтезу нейротекса? – спросил Герард.

Взгляд ее глаз, сделавшихся совсем темными, переместился на оракула.

– Я, а также глава лаборатории Ахилей Лахес, его лаборанты.

– А к транспортировке? – оракул подался вперед, проникновенно глядя на нее.

Лаодика устало покачала головой.

– Он уходит в опечатанных контейнерах. И фирмы, получающие его, еще ни разу не заявили о недостатке.

Неарк подал ей флеш-накопитель.

– Здесь результаты экспертизы. Посмотрите. Может быть, возникнут какие-то мысли.

Женщина подняла виртуальный экран, быстрым движением ладони сбросила на него информацию, увеличила картинку. Тонкие пальцы скользнули по клавиатуре, намеченной на столе лишь несколькими линиями. По ее мраморному лицу побежали отражения символов сложной молекулярной цепочки. Минуту она рассматривала новое изображение, затем вынула из кармана коммуникатор:

– Мне нужно посоветоваться.

Эринер кивнул молча.

– Ахилей, зайди ко мне, – быстро сказала Лаодика, прикоснувшись к значку на панели. – Срочно.

Через пару минут в кабинет стремительно вошел мужчина, ровесник Неарка. Лаодика представила гостей. Он крепко пожал руки эринеру и сновидящему, взглянул на экран компьютера и сказал:

– А, нейронная пушка. Одна из самых сложных разработок. Нам пришлось обращаться к вам, – он кивнул на Герарда, – чтобы она начала действовать.

– В самом деле? – улыбнулся оракул.

– Препарат должен был работать определенным образом, но не работал. Все наши идеи иссякли.

– Кто вам помогал? – спросил прорицатель.

– Эагрид Беант, – ответил он тут же. – И аонида Клио.

Новая информация вместо того, чтобы дать разъяснения, добавила новых вопросов. Круг сомнений все расширялся и расширялся.

Лаодика поднялась из-за компьютера и потянула коллегу за рукав, предлагая занять ее место.

– Ахилей, взгляни. Вот здесь. – Она наклонилась над клавиатурой, увеличивая изображение. – Довольно любопытно.

Некоторое время ученые молча рассматривали соединение.

– Это не наша разработка, – заявил глава лаборатории с некоторым удивлением. – Да, это нейропротектор, но изготовлен не на нашей фабрике.

– Что значит не ваша разработка? – Неарк поднялся и заглянул через его плечо в экран.

– Этот препарат действует аналогично нейротексу, но это не нейротекс, – обернулся на него Ахилей.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Чем он отличается от вашего?

– Отличия заметит лишь специалист. Но грубо говоря – этот, – Лаодика показала на изображение, – мощнее. Мы изначально, на этапе разработки, отказались от ударной атаки, сделав упор на более мягкое, но стабильное и длительное воздействие.

– Кто еще в мире занимается подобными исследованиями? – задал вопрос Неарк.

– Никто, – ответила Лаодика уверенно. – Биотехнологии развивает только Полис. Остальные мегаполисы предпочитают кибернетику.

Теперь она выглядела еще более обеспокоенной.

– Я могу провести детальный анализ, – сказал Ахилей, не менее озадаченный. – Предоставлю полный отчет.

– Да, отлично, – кивнул Неарк, занося информацию в свой электронный блокнот.

– Вы можете проверить всех сотрудников нашей компании, начиная с меня, – сказала Лаодика напряженно. – Если на рынок попадет... уже попал нелегальный препарат, мы все заинтересованы в том, чтобы найти того, кто его выпускает.

– Вы у меня уже есть. – Герард показал монету, которую женщина держала в руках. – Для остальных пришлю кого-нибудь из своей команды.

– Но я по-прежнему уверена, никто из нас не может быть замешан в изготовлении или распространении некачественного продукта.

Оракул промолчал. Он прекрасно помнил, как сам недавно отвечал внуку: «Мы не убиваем людей». Лаодика сейчас дополнила его высказывание – «Мы продлеваем им жизнь».

Глава 4

Украденная жизнь

Я сидел за столиком маленькой забегаловки и пытался сделать заказ по интерактивному меню, которое реагировало на прикосновение только с десятого раза. Но в итоге бросил это бессмысленное занятие.

По соседству устроилась компания в растянутых толстовках, с нашитыми на рукава символами. Они бурно обсуждали последнее соревнование по стрельбе, и не все слова, которые употребляли, были мне знакомы. Сленг поменялся за пятьдесят лет. На поцарапанном, затертом пластике столешницы перед ними стояли наполовину опустошенные банки с пивом, куда только что был добавлен энергетик.

Время от времени я ощущал на себе внимательные, оценивающие взгляды, но делал вид, что меня интересует только чашка кофе, и коммуникатор, на котором я набирал сообщение.

– Не светил бы ты телефоном, – прозвучал рядом негромкий голос.

– А что, были прецеденты? – Я поднял голову и увидел официанта, серьезного парнишку лет девятнадцати.

На бейдже его относительно белой рубашки было выбито имя «Ликомед».

– У нас нет, – отозвался он с едва заметной ноткой гордости за свое заведение. – Но все равно, лучше уברי. На всякий случай.

Я захлопнул крышку и сунул коммуникатор в карман.

– Я ищу одного человека. Говорят, он заходит сюда.

– Какого? – нахмурился парень и покосился на соседний столик, за которым разворачивалась шумная дискуссия.

– Адриан Дисиз. Слышал?

Официант напрягся.

– Зачем он тебе?

– Хочу предложить работу.

– Ты из центра занятости?

– Нет. Знал его когда-то, решил обратиться по старой памяти.

– Что за работа?

– А ты его агент? – улыбнулся я, откидываясь на спинку стула.

– Нет, просто... – он пожал плечами и уперся в меня неожиданно жестким, холодным взглядом, – если это что-то сомнительное. Лучше не надо.

Я внимательнее присмотрелся к парнишке. Невысокий, худой, однако не производит впечатления слабака, лицо с правильными чертами, довольно привлекательное, но на верхней губе едва заметная ниточка шрама. Темно-серые глаза недоверчивые и настороженные. Руки хорошей формы, но косточки на пальцах сбиты. Значит, не раз приходилось драться.

Интересно, с чего такая забота о несостоявшемся оракуле Адриане?

– Ничего противозаконного, – сказал я. – Как я уже говорил, мы были знакомы. Давно. Но потом потеряли друг друга из виду. Я хочу возобновить знакомство. И у меня к нему деловое предложение. Может, его заинтересует.

Почти не соврал. В принципе так все и было. За исключением того, что я был дэймосом, а он – моей жертвой.

– Адриан скоро придет, – обронил официант, – подождешь?

– Тогда еще кофе, – улыбнулся я, – и чашку побольше.

Он кивнул, еще раз скользнул по мне неопределенным взглядом и отошел. Понятно, подозрения еще не сняты, но ледяное недоверие начало подтаивать.

А я от нечего делать стал глазеть по сторонам.

Кафешка была довольно антуражной, как и многое в этом районе. Стены, выкрашенные зеленой краской. Кое-где видны трещины на штукатурке. Фото и постеры старых фильмов. Замызанная мебель – пять столов, десять стульев. Светильники в виде древних театральных софитов.

Окна, забранные решетками, выходили на узкую темноватую улицу, сжатую двумя рядами домов. Вполне профессиональное граффити на одной из стен изображало двух тигров, белого и красного, замерших в прыжке.

Должен признаться, мне было комфортно здесь. В этом заведении, в этом районе. Прекрасное место для дэймоса. Пусть даже и бывшего.

Еще до постройки Стены, надежно оградившей наши территории от экстремальных штормов, приливов, достигающих критической отметки, ураганов и прочих проявлений нестабильной климатической системы, а также нежелательных вторжений, в Полис хлынули беженцы с прилегающих территорий. Они бежали от засухи, голода, в поисках работы или просто лучшей жизни.

Правительству пришлось расселять, давать рабочие места, образование новым гражданам. Муниципальное жилье в этом районе было простым, удобным, дешевым. Можно приобрести свое, можно снимать за небольшую плату.

У меня должна была быть такая же несложная жизнь. Социальное общежитие, школа, обучение в профессиональном училище, если нет особых талантов или желания учиться дальше. Работа несколько часов с перерывом на обед, маленькая квартирка, вечернее пиво с друзьями в забегаловке, подобной этой.

Не хочешь трудиться постоянно – можно устроиться на сезонную. Гидропонным системам и биостанциям время от времени требовались работники там, где не всегда справлялись автоматы.

Никто не будет голодать, никто не окажется на улице. Выбирай такую жизнь, какая нравится. Не хочешь учиться – никто не заставит, нет способностей – никто не будет давить и требовать. Всегда найдется место...

Я должен был стать специалистом по электрике, если бы не встретил Феликса.

Адриан – оракулом, если бы не встретил меня...

Я понял, что излишне крепко сжимаю чайную ложку, вспоминая последний разговор с Клио.

После звонка Талии я приехал на территорию центра сновидений. Аонида жила здесь же: в глубине парка стоял небольшой павильон с двумя стройными колоннами, поддерживающими легкий портик входа, и полукруглой крышей. Вокруг пышно разрослась сныть. Красные цветы прижимались к ступеням, пытались раскинуться на всю тропинку, требуя уступить себе путь, и склонялись над маленьким прудом, полностью вытеснив даже водные растения. Личный сад Клио. Все это алое великолепие выросло благодаря ее дару.

Я был пару раз в доме аониды. И, должен признаться, тогда, будучи дэймосом, шел сюда с гораздо большим желанием, чем сейчас, когда уже заслужил звание эпиоса.

Клио открыла не сразу. Мне пришлось постучать трижды, прежде чем дверь распахнулась.

Она казалась утомленной. Но это не была усталость после отлично сделанной работы, которая предполагает и удовлетворение, и гордость, и предвкушение заслуженного отдыха. Клио выглядела собранной, готовой сорваться с места и действовать в любую секунду, когда понадобится. И это напряжение стрелы, постоянно нацеленной в полет, ее, похоже, выматывало.

Взгляд сновидящей скользнул по мне, и она, слегка улыбнувшись, отступила в сторону. Высокая, стройная, темно-русые волосы заплетены в сложную сетку.

– Аметил, проходи.

Значит, Талия еще не успела сообщить ей все подробности пребывания в моем мире.

Я улыбнулся в ответ и пошел следом за ней, чувствуя, как обычная уверенность покидает меня.

В гостиной ничего не изменилось за прошедшие годы. Так же были насыпаны пригоршни кристаллов под верхней круглой стеклянной столешницей журнального столика – когда на них падал хотя бы один луч света, они начинали сверкать и переливаться. Та же картина, занимающая всю стену: водопад, летящий из бездны и падающий в бездну. Окно, увитое виноградом, вызвало быструю, не самую приятную ассоциацию из далекого прошлого, намек на сон, в который не хотелось бы возвращаться... Но я привычно отогнал ненужные мысли.

Талия сидела на своем любимом месте – в кресле, не выступающем из тени массивной колонны. Готовая наблюдать, чтобы не упустить ни одной детали происходящего.

При всей своей яркой внешности и не менее ярких эмоциях, харита умела стать абсолютно незаметной, полностью сливаясь с самой вылинявшей обстановкой. Бывало, участники какой-нибудь бурной дискуссии неожиданно обнаруживали ее неподалеку, с жарким вниманием следящей за каждым. Она всегда была на работе, наблюдала, анализировала, запоминала, чтобы использовать в дальнейшем особо интересные фразы, мимику, движения или позы.

По взгляду хариты я понял, что час расплаты близок. И пора брать Минотавра за рога.

– Клио, тебе уже рассказали, что именно понадобилось от меня Спиро?

– Да, – отозвалась аонида, – последние могилы в твоём мире.

– Последняя могила в моем мире – для Адриана, – произнес я. И уточнил: – Одна из четырех могил.

Клио ничего не сказала, оглушенная этой новостью. Я видел, как застыло ее лицо. Друзья и коллеги всегда считали ее сдержанной, разумной, логичной, легко находящей выход из сложнейших ситуаций.

Как можно отреагировать в такой?

– Ты воздействовал на подсознание Адриана? – спросила она, и в ее голосе не прозвучало ни одной эмоции.

Сейчас ей нужны были только факты, необходимые для принятия верного решения.

– Да, – ответил я.

– Что ты сделал?

– Отвращение к синему цвету.

– Синий, – едва слышно пробормотала Клио, и ее хризолитовые глаза стали похожи на тусклые кусочки электрона. – Символ покоя, безмятежности, глубины... глубин сна... цвет предсказателей. Очень умно... Как ты смог сделать это так, что я не заметила следов воздействия?

– Его учил Феликс, – негромко заметила харита, и за скептицизмом в ее голосе я уловил какой-то новый оттенок.

Я собирался честно ответить на вопрос Клио, но та остановила меня движением ладони.

– Не важно. Сейчас это не важно.

Я кивнул.

– Да. Ты права. Мне нужно отменить свой приказ.

Мой взгляд настойчиво искал взгляд Клио, я пытался выяснить – злится она или оскорблена. Нет, не злится. Разочарование. Вот что должна была испытывать аонида. Глубочайшее и безмерное. Можно войти в положение глубоко раскаивающегося дэймоса. В какой-то мере даже понять.

Но когда его преступления врываются в твою жизнь, сложно быть объективным и беспристрастным.

...Я заставил себя прекратить прокручивать в памяти воспоминания и вернуться в настоящее. Как оказалось, очень вовремя.

Звякнул колокольчик над дверью. В кафе вошел немолодой мужчина, одетый в потертую куртку и джинсы, окинул зал равнодушным взглядом, задержал внимание на шумной компании и опустился за столик у окна. Он сидел ко мне вполборота, и я видел резкую морщину у обветренных губ, глубокую носогубную складку, чуть опущенный внешний уголок глаза, щека казалась еще сильнее запавшей из-за темной щетины. Густые волнистые волосы цвета светлой ореховой скорлупы чуть ниже плеч, с сильной проседью. Он чем-то напоминал Герарда – такой же высоченный, здоровый, крепкий, как все оракулы. Сплав Атланта и критского быка.

Ликомед быстро подошел к нему, и я склонил голову, прислушиваясь к разговору.

– Ты рано, – сказал парень, и мне послышалось в его голосе легкое неодобрение. – Ты заканчиваешь обычно в семь.

– А сегодня закончил раньше, – хриловатым, но сильным голосом произнес Адриан. – Принеси пива.

– Что-то не так на работе? – продолжал допытываться официант, проигнорировав просьбу о выпивке.

– На работе все прекрасно, – усмехнулся мужчина, – только без меня.

– Тебя уволили?!

– Сам ушел, – жестко произнес Адриан. – Слушай, Лик, принеси пива.

– Но ты же проработал всего неделю.

– Надоело.

Ликомед обреченно покачал головой, потом оглянулся на меня и сказал громче:

– Тут с тобой хотят поговорить.

Адриан повернулся, закинув руку на спинку стула, и уставился на меня. Теперь я видел все его лицо. Время огрубило его черты, погасило яркий огонь в глазах, добавило равнодушия и жесткости. На первый взгляд ничего общего с портретом юноши, который я нарисовал для Талии, но я все равно видел в нем того самого несостоявшегося оракула.

– Он сказал, что вы знакомы, – произнес Лик.

– Заочно, – отозвался я, пересаживаясь за столик своей давней жертвы, и протянул руку. – Мэтт.

– Адриан. – Он с легкой усмешкой пожал мою ладонь. Крепко и уверенно.

При том блоке, что я ему поставил, он должен был лежать в лечебнице с приступами, а не ходить по забегаловкам, пить пиво, болтать с официантом, работать... Потрясающая сила воли.

– Ну, и о чем будет разговор? – Он оперся локтями о столешницу, подаваясь ближе.

– Ты доволен своей жизнью?

Я уже не раз задавал этот вопрос в прошлом. Сидя напротив запутавшегося человека в забегаловке, баре или элегантном кафе. Дэймос на охоте.

– Эй! Я недоволен своей жизнью, – прозвучал рядом развязный голос.

Адриан прищурился, и рука его скользнула в карман куртки. Я не спеша обернулся. Надомной нависал тип в расстегнутой до пояса рубашке, красный, потный, заметно повеселевший от энергетического коктейля, который толкал его на подвиги.

– Ну, слышь, я недоволен, – повторил он под бодрое ржание своих приятелей.

Дальнейший диалог мог развиваться в любом направлении. И я умел направить его по самому миролюбивому пути. Но Адриан решил иначе.

– Сядь на место, – велел он резко. – И не лезь в чужие разговоры.

Тот побагровел, наклонился вперед, наваливаясь обеими ладонями на стол. Дружки за его спиной угрожающе примолкли.

– Да ты, я смотрю, зарываться начал! Макнуть тебя в канал? Вместе с твоим щенком?

Оракул поднялся, неожиданно быстрым движением ударил его по рукам, заставив потерять опору, и хлопнул по затылку так, что тот звучно приложился головой о столешницу. А затем, не успев он подняться, схватил за шиворот и сбросил прочь со стола, словно грязную тряпку.

Мой несостоявшийся собеседник вскочил, злой как десяток гарпий, выхватил нож. Его друзья тоже дружно поднялись, ошеломленные подобным развитием событий.

– Хватит!! – Из кухни появился мужчина в белом заляпанном фартуке, тоже вооруженный внушительным тесаком. – Я вызываю эринеров. Хотите драться – валите на улицу!

Но, похоже, перспектива столкновения со стражами порядка не улыбалась никому из посетителей забегаловки.

– Все-все, Кат, – пробормотал один из них, – уже уходим.

– Ну, выйдем, поговорим, – угрожающе буркнул тот, кто стоял с ножом, глядя на меня.

– Извините, ребята, обычно я не против драки в хорошей компании, но сегодня Адриан уже занят. – Я достал из кармана жетон сновидящего, и вид бронзового мака произвел поистине магическое действие.

Буквально через минуту кафе опустело.

– Пошли отсюда. – Оракул оттолкнул стул, оказавшийся у него на дороге. – Найдем место потише.

Мы вышли на улицу.

Теперь я понял окончательно, кого он мне напоминает. Затравленного волка. Ярость и отчаяние, бежать некуда, а умирать он не хочет, сопротивляясь иступленно, сам не зная чему. Всему свету и всем, кто попадает на пути.

На узкой улочке стояли шести- и семиэтажные дома. Оранжевая и желтая штукатурка на стенах местами потрескалась и отвалилась причудливыми кусками, мрамор на подъездах потемнел, сфинксы, сторожившие двери, лишились половинок уха или части хвоста. Но здания не выглядели обветшавшими. Во всех этих следах времени было своеобразное очарование.

Мы шли довольно долго.

По улицам слонялась самая разная публика: контраст с остальными районами, где народ появлялся в парках и скверах ближе к вечеру – в остальное время все работали. Молодые люди, явно без особых занятий и определенной цели, собирались группами, лениво переговаривались, сидели на лавочках или парапетах, симпатичные, ярко окрашенные девчонки провожали нас внимательными оценивающими взглядами. Женщины с сумками, мужчины часто в спецовках или униформе. Один раз мимо прошла девушка со значком работника социальной службы. Мелькнули два эринера, следящих за порядком.

Из открытых дверей муниципальной столовой, где мог бесплатно пообедать любой желающий, потянуло запахом густого супа. Возле, на лавочке устроились трое мужчин довольно потрепанного вида. Запыленные ботинки, одинаковые штаны, растянутые свитера. Они лениво переговаривались, потягивали дешевое пиво, с усмешкой поглядывали на проходящих мимо. Сейчас поедят, потом вернутся на эту же скамью, посидят еще или перейдут к каналу, где прохладнее, а вечером пойдут в социальное общежитие, там всегда найдется свободная койка.

Представители тех самых, кто не захотел учиться и работать. Может быть, не смог.

Многие здоровались с Адрианом, он равнодушно кивал в ответ.

Выражение лица несостоявшегося оракула не располагало к общению. Поэтому мы шагали молча. Миновали горбатый мостик, перегнувшийся через полосу черной неподвижной воды. Еще одна улочка – и у самого дома нас догнал хмурый Ликомед.

– Сдал смену, – буркнул он и неодобрительно покосился на Адриана. – Можно было и не нарываться.

– Сложно было устоять, – усмехнулся тот.

Шестиэтажное здание, одно из многих, возвышалось на самом краю канала. Жилье, за которое брали минимальную плату. Все окна фасада выходили на воду, большинство из них были открыты. Откуда-то звучала навязчивая музыка, мелькали силуэты людей, лаяла собака...

В подъезде хлопали двери квартир, слышался детский плач, нам навстречу по лестнице с грохотом и звоном ссыпался мальчишка, везущий самокат, проводил любопытным взглядом.

Лик открыл дверь и пропустил меня первым.

Чтобы оценить это жилье, хватало одного взгляда. Я буквально видел десятки жильцов, сменивших эту квартирку, спавших на продавленном диване, напротив окна без занавесок, и жмурящихся от яркого утреннего света, поспешно выпивавших чашку чая или кофе в углу за столиком, на котором стоит электрический чайник и пара разномастных чашек. Помыться можно в крошечном уголке за стеклянной дверью, куда с трудом помещается умывальник, душевая кабинка и унитаз. Обедают обитатели подобного жилья в столовой или дешевой кафешке, ужинают обычно там же, потому что для кухни здесь уже нет места, ну разве что можно разогреть готовую пиццу или что-то из замороженных блюд во встроенной электродуховке под узкой столешницей.

Перспектив особых тоже нет. Если не обладаешь работоспособностью, целеустремленностью или очень себя жалеешь, постоянно потакая своим слабостям.

Чтобы понять все это, не нужно быть дэймосом.

Адриан уселся на диван, я подвинул стул, Лик прошел к столу и щелкнул кнопкой чайника.

Из окна потянуло запахом жареного сыра, за стеной ритмично скрипела кровать. По потолку долбили чем-то, похоже мячом, а когда стук прекратился – послышался обиженный рев ребенка. От канала долетал смех какой-то веселой компании и обрывки нестройных песен.

– Ты спрашивал, доволен ли я? – сказал Адриан. – Да мне плевать. На все. И на себя тоже. Лик в курсе.

Парень неопределенно дернул плечом, не опровергая, но и не соглашаясь. Похоже, у него было свое мнение на этот счет.

– Я могу помочь. Изменить все. Исправить.

– А кто ты такой, что можешь что-то менять? – хмыкнул он.

– Ты же видел. Сновидящий.

– Ах, сновидящий, – он криво улыбнулся, несколько не впечатленный. – Поздно исправлять, приятель. Я уже слил свою жизнь в сточную канаву.

– Это не ты. То, что с тобой происходит – вина дэймоса.

– Дэймоса. – Адриан снова неприятно усмехнулся. – Знаешь, как говорят. Не все то дэймос, что глупца пугает...

– Это правда. То, что происходит с тобой – не твоя вина.

– Адриан, послушай, – Ликомед с загоревшимися глазами подсел к нам ближе. – Если это действительно так, можно попробовать...

– Лик, сгоняй за пивом, – перебил его несостоявшийся оракул.

– У нас есть еще целая упаковка.

– Тогда купи чипсов.

– Вчера покупал.

– Короче, иди погуляй.

Парень задышал напряженнее и резче, сдерживая раздражение, но спорить больше не стал, а когда выходил, громко хлопнул дверью.

Адриан подождал, пока стихнут шаги на лестнице, и снова посмотрел на меня.

– На тебе блок, – продолжил я. – Мощный. Обычно оракул, способности которого так заблокированы, сходит с ума. Но ты сильный. Борешься.

– Погоди, кто я?

– Ты потенциальный прорицатель. Достаточно редкий и очень ценный дар.

– Слушай, сновидящий, а тебе все это не приснилось? – Он откровенно смеялся надо мной.

То ли не верил, то ли не хотел верить. Или ему было все равно.

– Я это сделал с тобой, Адриан. Уничтожил тебя как прорицателя. Заставил потерять интерес к жизни, превратил в слабого, раздражительного, непостоянного. Кратковременные отношения, случайный секс, редкие увлечения. А потом все надоедает. Ведь так? Ты все теряешь. Друзей, работу, деньги, впрочем, их у тебя никогда и не было... Клио. Ее ведь ты тоже потерял.

Видимо, это прозвучало достаточно убедительно.

Потому что теперь он точно поверил.

Несколько мгновений Адриан смотрел на меня. Молча, полуприкрыв веки, тяжелым давящим взглядом.

– И почему ты это сделал со мной? За что?

– Ни за что, – ответил я. – Сделал, потому что мог.

– Значит, у меня могла быть другая жизнь?

– Да.

– Интересная, яркая, необычная. Долгая молодость, прекрасное здоровье, друзья.

– Да.

– И Клио не ушла бы...

– Нет.

– И я бы не сидел на шее у мальчишки, который вечно вытаскивает меня из передрыг, поддерживает и помогает.

– Нет.

– Значит, ты превратил меня в бесполезное ничтожество только потому, что просто мог это сделать?! Без причины?

– Да.

Он почти не размахивался. Мощный удар обрушился на мою челюсть. Я рухнул со стула, в голове зазвенело, а цепочка хлебных крошек на полу устроила хоровод. Оракул же наклонился, сгреб меня за куртку, рывком поднял на ноги. Кулак врезался в мою переносицу. И круги, плывущие перед глазами, начали приобретать разноцветные оттенки.

– Адриан, ты что, сдурел?! – Лик, вернувшийся на удивление вовремя, метнулся ко мне. – Мэтт, ты как?

Парень не успел даже прикоснуться, как оракул оттолкнул его в сторону, рыкнув: «Не лезь!!» Новый пинок швырнул меня на стол, и я почувствовал позвоночником все его острые грани. Я ударил почти вслепую, попал, но мое сопротивление разозлило его еще сильнее. Сквозь шум в ушах донесся новый вскрик Ликомеда, и тут же его заглушила боль, взорвавшаяся в черепе. Оракул в бешенстве уже не понимал, что делает. Был готов разорвать меня на части в своей дикой ярости. Хрустнули ребра, кровь из рассеченной брови заливала лицо. Я едва мог блокировать самые жесткие удары, но Адриан вряд ли замечал это.

Он не останавливался. Не собирался останавливаться. Он собирался забить меня до смерти.

Поняв это, я подался вперед, к обезумевшему оракулу, – костяшки его пальцев скользнули по лицу в попытке рассадить вторую бровь, но я уже схватил заклепку на его куртке.

Дернул, вырывая, сжал в пальцах и мощным рывком потянул его в сон за собой. Он вцепился в меня, мы рухнули на пол вместе...

И реальность осыпалась, погребая под собой нас обоих.

Я пробил сновидение Адриана навывлет. Сразу. Больное сознание узнало меня и пропустило. Как ключ, который идеально подходил к замку.

Пролетели мимо какие-то солнечные поляны, рощи, здания... Все то, что успешно маскировало искаженный мир Адриана.

А затем я оказался стоящим на берегу моря. Полосы прибоя не было видно, обзор закрывал ряд высоких деревьев. Но я чувствовал запах соли, свежий ветер, бьющий в лицо. И вслушивался в тревожную, давящую тишину. Над головой быстро пронеслась стайка птиц. Громкие хлопки крыльев смолкли в отдалении. Где-то тоскливо завывала собака...

Сейчас что-то случится – понял я. В ту же секунду кроны задрожали, начали гнуться от порывов неощутимого вихря.

И стали падать. Одна за другой. Словно невидимый серп срезал их. Лохматые головы клонились к земле и больше не поднимались.

Я напряженно всматривался вперед и наконец увидел. Над рядом густой зелени медленно и безмолвно вздымалась огромная волна. Кони Посейдона неслись, свирепо били копытами, и белая пена летела с их оскаленных морд. Я невольно сделал шаг назад. Но они уже рухнули на меня, поглотили, потащили за собой.

В желтом кипении летели палки, камни, сучья и целые древесные стволы. Мое тело сновидения било, швыряло, давило толщей воды. Удержаться не за что. И нет воздуха.

...А потом все вокруг стало синим. Меня душил мой собственный кошмар.

Осознание этого неожиданно придало сил. Я заставил себя забыть о боли, сжал зубы, отсекая панику, и камнем рухнул на дно. В кобальтовом мраке мелькнуло нечто серебряное. Я увидел нож, медленно падающий в ил, потянулся к нему, успел разглядеть желтый проблеск на его клинке, и меня швырнуло обратно. Ошеломленного, задыхающегося и недоумевающего...

Я резко выпрямился, выдохнув с хрипом, потом вдохнул и пришел в себя. Я продолжал сжимать заклепку, не выпуская ее даже во время приступа кашля, который скрутил меня, когда я глотнул воздуха. Наконец справился со сбившимся дыханием. Огляделся. На глаза попались электронные часы. Мы отсутствовали не больше минуты. Мгновение наяву, за это время в мире снов может произойти очень многое.

Лик сидел возле потерявшего сознание Адриана и смотрел на меня с выражением начинающейся паники на узком лице.

– Мэтт, ты цел? – В его голосе звучали тревога и отчаяние.

– Нормально, – пробормотал я, поднимаясь. – Все нормально.

В этот миг, словно реагируя на мое движение, оракул открыл глаза. В них больше не было прежнего безумия, только глубочайшая усталость.

– Я сожалею о том, что сделал, Адриан, – сказал я ему.

– Да мне плевать на твое сожаление! – рявкнул он, хотя и без прежней ненависти. – Убирайся!

– Я могу все исправить...

– Нечего исправлять, – произнес несостоявшийся оракул безучастно, отворачиваясь к окну. – Поздно.

Последнее слово упало тяжело, словно камень. И я впервые в жизни подумал, что лучше бы мне было паять свои микросхемы пятьдесят лет назад, чем лезть в чужие сны...

Ступеньки лестницы расплывались перед моими глазами, голова раскалывалась от боли. Лицо постепенно опухало, кровь текла из разбитого носа, капала на рубашку. Ныли ребра, и передвигаться я мог, только держась за перила.

На выходе со мной столкнулась женщина и, разглядев, едва не выронила сумку. После испуганно-жалостливого междометия попыталась предложить помощь. Но я лишь огрызнулся в ответ, отодвинул ее плечом и вывалился на улицу. Единственное чувство, которое я сейчас испытывал, – бешенство. И пока оно заглушало все доводы разума. Да, я был сам виноват в том, что происходило с Адрианом. Он не отвечал за свои действия. Но этот недоделанный оракул не вызывал у меня ни капли сочувствия. Побитая гордость дэймоса требовала мести. Немедленной и беспощадной.

Я добрал до небольшого фонтана, стоящего в центре двора между трех пятиэтажных домов, сел на бортик и стал смывать кровь с физиономии. Каждое прикосновение вызывало боль и новый приступ гнева. Но постепенно, с очередной пригоршней холодной воды, выплеснутой на лицо, он начал остывать. Подсознание Адриана... дело не только в блоке, поставленном мной...

Мои расплывчатые мысли оборвал звук торопливых шагов.

Я поднял голову и увидел запыхавшегося Ликомеда. Интересно, как он нашел меня? Впрочем, спроси любого на улице, куда побрел окровавленный человек в разодранной рубашке, и тебе легко укажут направление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.